

Мой любимый детектив

Елена Арсеньева

Оыщца
начала века

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

Същица начала века

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Сыщица начала века / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
— (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 5-699-07372-8

На этот раз детективщица Алена Дмитриева решила сделать героиней своего нового романа женщину-врача. И теперь для того, чтобы собрать материал, она колесит по городу вместе со Светой, врачом «Скорой помощи». Ее начинает удивлять жуткая закономерность: буквально в несколько дней число самоубийц резко увеличилось... И такое, как заметили врачи, происходит периодически. Между всеми самоубийцами есть нечто общее. Все они кодировались: кто от курения, кто от лишнего веса, как подруга Алены Света... Подозрения Дмитриевой укрепились, когда она нашла дневник одной из первых в России женщин-следователей. Там был описан случай гипноза жертвы с установкой на самоуничтожение. Эх, лучше бы не делиться Алене ни с кем своими догадками – ведь неосторожные слова любопытной писательницы обернулись для нее большими проблемами...

ISBN 5-699-07372-8

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Нижний Новгород. Наши дни	6
Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, 1904 год, август	10
Нижний Новгород. Наши дни	13
Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, 1904 год, август	18
Нижний Новгород. Наши дни	23
Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, 1904 год, август	29
Нижний Новгород. Наши дни	34
Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, 1904 год, август	42
Нижний Новгород. Наши дни	46
Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, август 1904 года	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Арсеньева

Сыщица начала века

*Женщине главное – убедить в чем-то себя, а потом она докажет
это кому угодно.
Зигмунд Фрейд*

– Сядьте поудобнее. Как можно удобнее! Ваша поза не должна вас стеснять. Закройте глаза.

Прислушайтесь к своему дыханию. Сделайте глубокий вдох... и глубокий выдох. Вы чувствуете, как воздух проникает в ваши легкие и распространяется по ним.

Вас охватывает слабость.

Все ваше тело наполняется теплом, тяжелеет, вы ощущаете свое дыхание. Вы спокойны. Вы совершенно спокойны. Вы готовы к исполнению своего желания.

А сейчас мы представим образ... Но прежде, чем мы начнем работать с ним, вы постараетесь определить для себя свое желание. Желание, за исполнением которого вы сюда пришли. То желание, которое живет в вашей душе, не давая вам покоя, подавляя все мысли и чувства, мешая вам быть счастливым.

Вы определили это желание? Не спешите. Не должно быть никаких сомнений, никаких неясностей.

А теперь представьте, что будет с вами, с вашими близкими, если оно исполнится. Сможете ли вы пережить это? Не начнете ли раскаиваться? Ведь обратной дороги не будет. Но пока вы еще можете отказаться от осуществления вашего желания.

Вы готовы продолжать? Вы уверены? Убеждены, что готовы идти дальше – к непременному исполнению заветной мечты? Вы по-прежнему собираетесь добиваться этого любой ценой?

Ну что ж... Если так, мы начинаем работать с образом, тем самым, который поможет вам. Который станет залогом исполнения вашего желания!

Этот образ – часы.

Нижний Новгород. Наши дни

«Хочу стать слабой женщиной. Слабой-преслабой. Чтоб ни у кого никаких сомнений. Хочу быть божьим одуванчиком, потому что слабее ничего невозможно себе представить. Только непременно – богатым одуванчиком: чтобы не на одну пенсию поскрипывать. Нет ничего унижительней, чем нищая старость! Да, хочу быть богатым одуванчиком. Чтобы денег хватало на хорошую еду, одежду, на дорогую косметику, чтоб всегда, как и сейчас, маникюр-педикюр, массажи-пассажи...

И еще я желаю, чтобы мне уже все надоело. Хочу, чтобы не жалко было умирать. Хочу «скупее стать в желаньях». Хочу...»

Хотеть не вредно. Особенно этого – «скупее стать в желаньях»! Только вот беда – пока не получается. Ну никак!

– Ты мне чуть пальцы не сломала, – сообщил мужской голос – такой довольный-довольный!..

Алена не без усилий попыталась вернуться на землю из того далека, в которое с огромным удовольствием улетела:

– Что? Какие пальцы?

– Мои. – Он смешно выпятил подбородок, указывая на их сплетенные руки. – Ты, когда... ну... – Последовал быстрый чмок – этакий тактильный эвфемизм ¹, потому что он отчаянно стеснялся слов *про это*. – Ты в мои пальцы так вцепилась, что чуть не сломала их.

А, ну да. Наверное. Алена смутно припомнила, как за что-то изо всех сил держалась, чтобы уж совсем не отлететь в дали невозвратные. Наверное, ему было больно, но какое это имеет значение, если ей было – с ума сойти как. Да и у него, такое впечатление, боль отнюдь не оказалась главенствующим ощущением.

– Я больше не буду, – небрежно обронила Алена, пытаясь высвободиться, но он не отпустил.

– Что ты! – проговорил поспешно и даже как бы с некоторым испугом. – Делай что хочешь. Можешь мне хоть шею сломать, только бы... только бы...

Тут он замаялся, запнулся, потупил янтарные глаза, занавесив их стрельчатými ресницами, и Алена благодарно поцеловала своего любовника во влажную от пота впадинку между плечом и шеей.

С любовником Алене повезло, что и говорить. Даже удивительно наблюдать такой талант в столь молодом существе. Впрочем, возраст тут никакой роли не играет. *Это* или есть у человека, или его нет. Другое дело, что по сравнению с ней, дамой постбальзаковского возраста, ее любовник и впрямь... довольно молод. И даже внешне они не слишком подходят друг другу. Алена – женщина стройная, но, что называется, фактурная, а ее сердешный друг изящен и subtilen. А уж если она на каблуках – а она всегда на каблуках, когда не в постели, – то и впрямь чувствует себя рядом с этим красавчиком натуральной педофилкой. Одна Алена знакома как-то раз весьма неодобрительно отозвалась о некоей даме, питавшей слабость к молодым любовникам: «Первый был на пять лет моложе, этот – на десять, а следующего она, наверное, из колыбели украдет!»

Классно сказано! Классно, точно!.. И уничтожающе.

---

¹ Эвфемизм – непрямое, смягченное выражение вместо резкого, слишком откровенного или непристойного.

А впрочем, инициатива этих отношений на грани фола исходила столько же от Алены, сколько и от Алекса. Так что еще неизвестно, кто кого и откуда украл: то ли она его – из колыбели, то ли он ее – из... богадельни.

Ха-ха.

Алекс – это, понятно, имя любовника. Гораздо чаще, впрочем, Алена его называет со смесью восхищения и иронии – «бесподобный психолог». Работа у него такая: он психолог-консультант в Службе психологической поддержки – в просторечии, на «Телефоне доверия». Иногда Алекс с гордостью рассказывает, как натурально отговорил какого-нибудь вовсе уж отчаявшегося бедолагу от самоубийства. Совсем-де мужик перенес ногу через перила балкона, но тут его словно что-то ударило: взял да и набрал номер «Телефона доверия». И, на его счастье, на боевом посту оказался Алекс...

– Я его полтора часа убеждал! – с показной небрежностью говорит «бесподобный психолог».

Алена делает большие глаза, которые так и лучатся восторгом. Поскольку глаза у нее и сами по себе не маленькие, особых усилий в их увеличении прилагать не приходится. А вот с восторгом посложнее... Потому что с языка так и рвется ехидное: «Неужели ты не понимаешь, что, если человек хочет покончить с собой, он это сделает? А если перед тем, как прыгнуть с балкона, звонит на «Телефон доверия», значит, просто хочет поиграть в экстремалку! Ты потратил на этого идиота полтора часа, и для вас обоих это была игра: для него – в самоубийцу, для тебя – в спасителя человечества. А ведь телефон у вас не многоканальный. И неизвестно, сколько людей, которым и в самом деле нужна была твоя пресловутая психологическая поддержка, не смогли за это время до тебя дозвониться, – и неизвестно, до чего это их доведет в ближайшем будущем. А твой «самоубийца» небось собирался кидаться не с девятого и даже не с пятого, а всего лишь с первого этажа!»

Разумеется, Алена ничего такого не говорит. И продолжает удерживать на лице маску восхищения до тех пор, пока от нее действительно не ссыхается кожа – словно от маски «Голубая глина». Или «Белая» – кому что больше нравится.

Молчит Алена потому, что жизнь кое-чему научила даже эту вечную троечницу. И прежде всего по той причине, что мужчины – ну о-очень нежные цветы. Алена уже потеряла два года назад мужа именно потому, что вовремя не усвоила аксиому: женщина – всего лишь зеркало, в котором отражается мужчина. А вот Алена малость забылась. Возомнила о себе... все-таки писательница Дмитриева, не бог весть какая известная, не слишком популярная и скорее низко-, чем высокооплачиваемая, но все же детективщица, а не хухры-мухры! Михаил, который за десять лет безоблачного супружества привык, что у его жены заниженная самооценка, не перенес внезапного повышения оной и задиристых ноток, вдруг зазвучавших в Аленин голосе. Да она еще, на свою беду, увлеклась шейпингом и похудела килограммов на пятнадцать... Ну какому нормальному мужику это понравится? Красивая, худая, умная, самостоятельная, насмешливая жена – да на фиг она нужна?! Сила женщины – в ее слабости! Точно так же рассудил и Михаил Ярушкин, а поэтому однажды под Новый год он вышиб дно семейной лодки – и вышел вон.

Это событие едва не довело нашу писательницу до самоубийства, но заодно кое-чему и научило. Теперь она слушает своего юного мужчину с выражением всепоглощающего восторга на лице, а потому его объятия и сжимаются с каждой их встречей все крепче.

А впрочем, Алекс и в самом деле, без кавычек, – бесподобный психолог. Именно благодаря его профессиональным навыкам Алена довольно быстро реабилитировалась после краха своей семейной жизни – это раз; оказалась замешана в потрясающую интригу, распутать кото-

рую удалось именно потому, что Алекс работает на «Телефоне доверия», – это два; а пунктом три стало написание очередного забойного детектива ².

Вообще надобно сказать, что писательница Дмитриева (Алена пишет под псевдонимом) – человек своеобразный. Достоянием литературной гласности она умудряется делать практически все события своей жизни – а заодно жизни своих друзей. Кому-то это нравится, кому-то нет. Во всяком случае, люди, которые знают, что рядом с каждым из трех телефонных аппаратов в квартире Алены Ярушкиной (Дмитриевой) лежат наготове блокнот и ручка, стали гораздо сдержанней как в житейских откровениях, так и в выражениях, потому что всякое нестандартное словцо тоже фиксируется этой всеядной особой.

Кстати, двоих или троих друзей-приятелей она уже потеряла. Как-то не в масть им было являться полуфабрикатом для литературы. Добро бы еще хоть для большой, а то, и сказать стыдно, для дамского детектива! Среди утонченной публики и не признаешься, словно в неприличной болезни.

В дополнение к моральной нечистоплотности (с физической как раз нормально, все-таки Дева по Зодиаку, от себя не убежишь!), всеядности и абсолютной беспринципности Алена – страшная транжира, оттого живет от гонорара к гонорару. Вдобавок она еще и патологически суеверна. Каждый день истово слушает гороскоп «На связи Зодиак» по любимому «Радио 7 на семи холмах» и потом целый час радуется или огорчается – в зависимости от того, что было напророчено. Спустя час предсказание ее уже не волнует, но не потому, что рассудок берет верх над предрассудками: просто-напросто Алена уже забывает, что там напророчили ей небесные светила. Итак, у нее еще и память короткая – поистине девичья... Кроме гороскопов, она верит гаданиям своей подружки Маши. Не далее как полгода назад Маша предсказала Алене появление некоего короля, с которым у нее начнутся стабильные отношения. Король в самом деле появился, и даже отношения начались, да еще как романтично: спасением жизни самой детективщицы! – но дальше начала дело так и не сдвинулось. Все уперлось в то же самое гипертрофированное мужское эго! «Король» по имени Владимир Долохов так и не смог пережить, что спасенная им красотка, в которой он страстно желал видеть всего лишь слабую женщину, влезла в его компьютер и украла оттуда секретные файлы, а потом еще и уничтожила ценнейшее доказательство преступления ³. Уничтожила, что характерно, нечаянно, по своей женской дурости и патологической аккуратности, однако это не явилось в глазах частного сыщика Долохова смягчающим обстоятельством. В результате роман завершился, практически не начавшись, – одна-две приятные встречи совершенно не в счет. Ну что ж, Алена традиционно написала на эту тему новый детектив – и столь же традиционно утешилась в объятиях «бесподобного психолога». А впрочем, она усвоила очередной жизненный урок... вот и мечтает теперь стать божьим одуванчиком, потому что слабее одного просто невозможно ничего вообразить!

Но, как всегда, о чем бы она ни думала, чего бы ни желала, что бы ни делала, фоном непременно присутствуют мысли о новом детективе, до сдачи которого в издательство осталось минимум времени, а между тем конь там еще не валялся: строго говоря, ничего не написано и не придумано, кроме названия и главной героини: ею будет врач «Скорой помощи». Докторшу Алена назовет, наверное, Света – по имени своей новой знакомой, которая как раз и работает на «Скорой». Что именно установит с помощью своей логики милая и веселая докторша, Алена пока еще не представляла, но уповала на то, что добрая фея Жизнь непременно что-нибудь такое-этакое да подкинет, из чего проворный Аленин ум быстренько измыслит затейливую интригу – и...

---

² Эта история изложена в романе Е. Арсеньевой «Репетиция конца света».

³ Эта история описана в романе Е. Арсеньевой «Дамочка с фантазией».

Матушка Пресвятая Богородица! Да ведь Света сегодня дежурит! И они договорились, что Алена приедет к ней, чтобы помотаться со своим «прототипом» по вызовам! Набраться впечатлений и материала! Алена должна приехать к одиннадцати. А на часах уже почти десять! А «Скорая»-то в Ленинском районе! А туда еще пилить да пилить!

«Бесподобный психолог», уютно прикорнувший в объятиях своей подруги, отлетает в сторону вместе с одеялом. Небрежный, торопливый чмок в знак благодарности за доставленное удовольствие – и он остается один в постели, а из ванной уже доносится шум воды. И Алекс понимает, что ничего не изменилось: в жизни своей заполошной любовницы он по-прежнему на каком-то там предпоследнем месте – а лидирует, оставляя далеко позади и его, и вообще все в жизни Алены, неотразимый соперник по имени Новый Детектив!

Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, 1904 год, август

Только что вернулась. Тяжелый день. Хлопотный. А что выкинул сегодня господин товарищ прокурора Смольников!..

Никак не могу постигнуть сущность этого человека. Раньше, когда он еще не оставил работу судебного следователя (да, мы некоторое время были коллегами) и не перешел в прокуратуру, я думала: конечно, он очень умен, образован, беседовать с ним о посторонних вещах – сущее наслаждение. Но – именно о посторонних. Только не о службе, не о расследованиях. Стоило ему узнать о новом деле, как он становился мрачен, вид принимал такой, словно не только это дело, но и сама жизнь его чрезвычайно тяготят. Он во всем полагался на сыскных агентов, сам к расследованиям почти не прикасался и из всех решений выбирал всегда то, которое доставляло ему наименьшие хлопоты. Мне казалось, он сознательно жил, как Стива Облонский, про которого Толстой писал, что только отсутствие увлеченности своим делом охраняло Стиву от ошибок.

И вот Смольников ушел от нас в прокуратуру. У меня такое ощущение, что он об этом сожалеет, хотя новый пост куда выше и значительней для его карьеры. Почему я думаю, что он жалеет о прежней работе? Да потому, что им вдруг овладела страсть к расследованиям! Овладела с невероятной силой! Сегодня он тако-ое отчебучил, как выразилась бы моя няня Павла...

Началось с того, что рано утром на отмели Волги, вблизи откоса, был обнаружен сундук с трупом молодой женщины внутри. Она была красива при жизни: с густыми каштановыми волосами, которые сейчас, мокрые, казались почти черными, стройная, с прекрасными формами. На этом роскошном теле очень странно выглядела простая, застиранная холщовая рубашка. Более никакой одежды на трупе не было. Не оказалось ни серег (а между тем уши проколоты), ни колец, в том числе венчального, ни даже нательного креста. На первый взгляд не удалось отыскать и следов насильственной смерти: ни ударов, ни ран, ни борозд от удавки или пятен от пальцев на шее, какие бывают при удушении. Однако можно не сомневаться, что речь идет об убийстве: едва ли кому придет в голову прятать в сундук и бросать в реку труп человека, который умер по причинам естественным! Можно с уверенностью сказать, что вскрытие установит отравление, хотя по внешним признакам наш эксперт пока не обнаружил оно.

По вызову квартального надзирателя, к которому прибежал околоточный, сделавший страшную находку, прибыли: агент Рублев из сыскного, от судебных следователей – я, из прокуратуры – новый товарищ прокурора Смольников. Сперва он был, как обычно в начале всякого дела, желчен и молчалив, однако вдруг заинтересовался происшествием. Заметить сие можно было прежде всего потому, что он принялся то снимать, то надевать свой котелок. Он всегда ходит в странной формы головном уборе, более всего напоминающем шляпу Робеспьера на гравюрах.

– Во всяком случае, это не самоубийство, – изрек Смольников глубокомысленно. – Как вы полагаете, госпожа следователь?

«Госпожа следователь», то есть я, с превеликим трудом удержалась от неуместной усмешки. Что и говорить, насчет самоубийства – очень тонко подмечено! Залезть в сундук и в нем кинуться в Волгу – весьма оригинальный способ утопления!

Затем Смольников глубоко задумался, уставившись на реку. В сей пасмурный день Волга была похожа на огромного осетра, притихшего меж берегов.

Как раз в это время мимо нас шлепал по воде колесами пароход «Островский» почтово-пассажирского пароходства «Самолет», осуществлявшего сообщение между Нижним и Астраханью. И при виде «Островского» Смольников озаботился размышлениями: был ли ящик сброшен в воду неподалеку от берега или его принесло волнами издалека, например, с мимоидущего парохода? Для выяснения последнего обстоятельства он даже предпринял следственный опыт – несколько преувеличенную реконструкцию преступления.

Мы с Рублевым были в это время заняты разговором с какой-то женщиной (из простых), оказавшейся на берегу. Не обращая ни малейшего внимания ни на сундук, ни на присутствие полицейских чинов, она моталась туда-сюда, заглядывая во все кусты и протяжно выкликая:

– Жулька! Жулька! Куда ты подевалась, сукина дочь!

Я обратилась к женщине с некоторыми вопросами. Оказывается, особа сия, мещанка⁴ Гаврилова Дарья Семеновна, вдова двадцати семи лет, проживавшая в Красном переулке, искала убежавшую собачонку, без которой тоскуют ее дети (дети Гавриловой, само собой разумеется, а не собачки!). Я тщательно скрывала, что судьба бродяжки Жульки меня волнует куда меньше, нежели загадочное появление на берегу ящика с его мрачным содержимым. Окольными путями попыталась выяснить, не видела ли Гаврилова чего-то необычного, не слышала ли чего. Однако она только головой качала в ответ на все мои расспросы да вдруг принималась заунывно взывать:

– Жулька! Жу-улька-а!

В конце концов я поняла, что приличными разговорами с этой глупой бабой ничего не добьешься, и препоручила ее заботам агента и квартального надзирателя, которые, надеюсь, заставят ее вспомнить не только о злополучной Жулке, но и обо всех событиях, свидетельницей которых сия Гаврилова была в обозримом прошедшем. Тут я заметила, что Смольников что-то затеял, и поспешила к нему. В это время он грузился в лодку вместе с двумя городскими и тем самым сундуком, из коего недавно был вынут труп. К сожалению, речная полиция, даром что страшная находка была обнаружена на подведомственной ей территории, оказалась нынче нерасторопна и не позаботилась снабдить нас лодкою. Смольникову пришлось нанять лодочника из числа тех, что промышляют перевозом или прогулочными поездками. Теперь он поглядывал по сторонам с тоской, явно мечтая, чтобы кто-нибудь избавил его от пугающего груза и еще более пугающих пассажиров. Доброго человека, увы, не нашлось: я к отправлению лодки так и не поспела, а поэтому только с берега смогла наблюдать за тем следственным опытом, который затеял Смольников.

Признаться, я не поверила своим глазам! Изрядно удалившись от берега, товарищ прокурора велел городскому – живому городскому! – сесть в тот самый сундук (вернее, запихать себя в оный, ибо городской оказался мужчина изрядной корпуленции), а затем сундук с его содержимым был сброшен в Волгу! Я едва не открыла всем присутствующим слабость своей дамской натуры: каким-то чудом удержалась от испуганного крика. А впрочем, могла бы и не стараться особенно: мой голос всяко был бы заглушен истерическим воплем Дарьи Гавриловой.

Как и следовало ожидать, сундук с его содержимым не замедлил пойти ко дну. Тут-то и выяснилось, за какой надобностью в лодку был взят второй городской! Пока до смерти перепуганный лодочник удерживал свое утлое суденышко на плаву, сей городской и сам Смольников спасали заключенного в сундуке человека. На счастье, и впрямь спасли, однако тяжеленный ящик набрался воды и затонул в десятке сажений от берега...

Когда лодка причалила к суше, выражение лиц всех четверых достойно было бы пера господина Каляки-Маляки, который так лихо рисует карикатурки, помещаемые в газете «Нижегородский листок». Уж не ведаю, кто скрывается под сим веселеньким псевдонимом, однако пером и карандашом он владеет мастерски, сюжеты выбирает преуморительные. Уверена, что,

---

⁴ Одно из сословий в России до 1917 года так и называлось – мещане.

глядючи на карикатуру, изображавшую возвращение некоего товарища прокурора с его следственного опыта, весь город животики надорвал бы, как любит говорить моя няня Павла.

Лодочник выглядел словно человек, воротившийся с того света, хотя он-то подвергался лишь условному риску. Оба городских были – хоть выжми (один тонул, другой спасал, и то, и другое – дела мокрые!), лица имели синие и громко клацали зубами, ибо местность наша далека от южных широт, а август нынче не задался и теплом не балует. От этого непрерывного движения челюстей вверх-вниз постороннему наблюдателю могло почудиться, что перед ним находятся два антропофага, принадлежащие к варварскому племени синеликих, которые мечтают пообедать оказавшимся поблизости бледнолицым. Роль сего бледнолицего с успехом исполнял Смольников, который и прежде-то не сиял особенным румянцем, а после случившегося и вовсе как-то полинял. При этом он чаще обыкновенного снимал и надевал свой *le chapeau a la Robespierre*⁵ и старался не смотреть в мою сторону. Нет, мы все-таки обменялись взглядом, всего лишь одним, но успели при этом сказать друг другу очень многое! Мой взор был негодующим, а Смольникова – высокомерным.

«Сознаете ли вы, милостивый государь, – как бы выкрикнула я, – что несколько минут назад вы не только подвергли неоправданному риску человеческую жизнь, но и уничтожили ценнейшее вещественное доказательство? А вдруг в этом сундуке еще сохранились какие-то следы, могущие привести нас к разгадке преступления?»

«Успокойтесь, сударыня! – словно отвечивал Смольников. – Городовой находился на службе, а его служба, как и военная, сопряжена с постоянным риском. Что же касается утопления сундука, то едва ли в нем могли сыскаться хоть какие-то следы после того, как он полсуток или более простоял пусть и на отмели, однако беспрестанно захлестываемый волной! Поэтому поумерьте огонь ваших глаз, а то я решу, что вы ко мне равнодушны!»

Я торопливо потупилась. Товарищ прокурора, безусловно, прав: и служба городских предполагает ежеминутный риск, и доказательных следов в ящике уже вряд ли возможно было сыскать, и я к нему очень даже равнодушна.

Буду откровенна: в описываемые минуты я его просто-таки ненавидела!

---

⁵ Шляпу в стиле Робеспьера (*франц.*).

Нижний Новгород. Наши дни

Конечно, Алена не успела нажать кнопку сигнала, и маршрутка проскочила остановку «Улица Адмирала Нахимова» на полном ходу.

– Погодите, остановите! – панически завопила Алена, пробираясь из глубины изрядно набитого «пазика». – Остановите, пожалуйста!

Маршрутка неслась вперед.

– Ну, теперь уж на «Пролетарской» выйдете да вернетесь, – миролюбиво сказала какая-то необъятная тетка, настолько плотно перекрывшая собой проход, что протиснуться мимо было совершенно невозможно. Именно из-за этих телес, сделавших бы честь чемпиону мира по борьбе сумо, Алена и не успела добраться до двери вовремя. И она еще успокаивает ее, зараза!

С невероятной силой рванувшись, Алена выдернула себя из закупоренного теткой прохода и ринулась вперед, к водителю:

– Остановите, ну очень вас прошу!

Шофер на нее даже не оглянулся. Так и пилить бы ей до «Пролетарской», а потом возвращаться, увиливая от машин и трамваев (отчего-то переходов под мостом было не предусмотрено), и в конце концов безнадежно опоздать на встречу со Светой, но, на счастье, светофор вспыхнул красным – и, кажется, что-то дрогнуло в мозолистом водительском сердце. Дверца неожиданно распахнулась, растерявшаяся Алена на миг замешкалась, но тут же вылетела из маршрутки, словно пробка из бутылки, и по инерции понеслась вперед, негодуяще пыхтя.

С тех пор как Алена рассталась со своими пятнадцатью лишними килограммами, а главное, оказалась вынуждена постоянно сдерживать свой здоровый аппетит, она с презрением и даже где-то с ненавистью относилась к толстухам, которые смирились со своими габаритами и умудряются извлекать из жизни максимум удовольствия, треская жиры, белки и углеводы в неограниченных количествах, с утра до вечера (и даже на ночь!). Шпикачки. Пельмени. Картофельное пюре и котлеты с подливой. Булочки с маком в шоколадной глазури. Эклеры и корзиночки. И обворожительные заварные пирожные с творогом, под детским и оттого еще более вкусным названием «Юмбрики»...

Кошмар. Две секунды на языке, два часа в желудке и два года на талии. Женщины не ведают, что творят!

Кто это сказал, что неведение – благо? Какой молодец, а! Ведь так оно и есть.

Во всяком случае, своей высокомерной неприязни наша писательница от толстух не скрывала и в качестве героини романа ни в коем случае не избрала бы ни одну из них. Однако жизнь, которая, как известно, любит во все вносить свои коррективы, сделала это в очередной раз. Света Львова, докторша из «Скорой», бесценный и словоохотливый консультант, если и не толстушка, то явно таскает на себе десятка полтора, а то и два лишних килограммов. Алена втихомолку мечтает, что когда-нибудь приведет свою новую подружку за ручку на шейпинг, но это потом, когда выкачает из нее всю нужную информацию и вдоволь наездится с ней по вызовам. Ведь женщины – натуры еще более непредсказуемые и неопишуемые, чем мужчины, и при общении с ними дорога в ад вымощена благими намерениями еще прочнее! В ад разрыва дружбы, в ад зависти, переходящей порою в тайную или даже явную ненависть, в ад злобных сплетен, откровенной вражды, устройства мелких и крупных пакостей – ну и прочих радостей жизни, оценить которые способны только особи женского пола.

Сии особи, между прочим, тоже отличаются выдающимися талантами в данной области, но об этом в обществе так же не принято говорить, как о том способе, каким ты уклоняешься от налогов.

Подстанцию «Скорой помощи» Ленинского района, где работала Света Львова, построили не просто там, куда Макар телят не гонял (весь Ленинский район, если на то пошло, находится именно в этом местечке), но и замаскировали в глубине дворов. Алене до сих пор было жутко вспоминать, как искала ее неделю назад, когда шла сюда впервые.

Тогда уже смеркалось. Около гаражей гуляла пьяная компания, возле облезлой панельной пятиэтажки кого-то били смертным боем, а из кустов доносился кокетливый девичий визг и басистое сопенье:

– Ну Нинуль, ну давай, а то в штаны кончу!

Жизнь в Ленинском районе, короче, была ключом.

Алена весьма приблизительно представляла себе, куда идти: судя по описаниям, она уже трижды побывала на том месте, где обязана находиться станция «Скорой»! Надо было срочно спросить у кого-то дорогу, но не у Нинулика же неподатливого! А обращаться к алкашам или драчунам – смерти подобно.

Внезапно она завидела впереди одинокий силуэт. Человек издали выглядел очень прилично, и Алена ринулась к нему с воплем:

– Скажите, пожалуйста, не знаете ли вы?..

Человек медленно обернулся и выставил вперед руку.

– Конечно, есть, – ласково сказал он, глядя на Алену и в то же время мимо нее, причем направо и налево попеременно. Что-то такое было у него с глазами, они совершенно не фокусировались на одном предмете... – Бери. И жгут возьми. У тебя что?

– Что? – ничегошеньки не поняв, переспросила она, уставившись на простертую к ней руку, в которой почему-то был зажат шприц.

– Ну, чем?.. – с той же дружеской интонацией начал незнакомец, еще настойчивей протягивая к ней руку, как вдруг...

– А ну, пошли отсюда, ширялы поганые! – заорал кто-то над Алениным ухом с такой яростью, что она шарахнулась назад и наткнулась спиной на что-то твердое, урчащее. Обернулась – и чуть не рухнула, обнаружив, что впритык к ней стоит белый «Фольксваген» с красной надписью «Реанимация», а из окон в два голоса кричат и в четыре кулака грозят какие-то донельзя сердитые мужики.

Как они умудрились подъехать, что Алена не слышала? На цыпочках, что ли, подкрался этот «Фольксваген», обутый в импортные мягкие тапочки-шины?!

От изумления и неожиданности она остолбенела, и в эту минуту незнакомец сунул ей шприц в руку, а сам дал деру в те самые кусты, где несколько минут назад стыдливо хихикала телка по прозвищу Нинулик.

– Пошла вон отсюда, прошмандовка! – совсем уж дурным голосом заорал на Алену водитель «Реанимации», и из его глаз полыхнуло синим пламенем такой ненависти, что она даже не нашлась что ответить, а почему-то подняла руку с зажатым в ней шприцом и растерянно помахала ею. В следующую секунду «фолькс» слегка посунулся к ней левым боком – на самом деле слегка, самую чуточку, но этой чуточки вполне хватило, чтобы Алена покачнулась, потеряла равновесие и съехала в кювет, на дне которого собралось немало водички от вчерашнего, позавчерашнего и позапозавчерашнего дождя. Чудом удержалась и в воду не упала, но ноги промочила изрядно. А когда выбралась наконец, проклиная все на свете и чихая (простуда привязывалась к ней моментально и прочно, словно цыганка к доверчивому прохожему), то обнаружила, что искомая подстанция «Скорой» находится буквально за поворотом.

Как водится в романах, первым, кого увидела Алена, когда вошла в ворота, створка которых болталась на одной петле, был именно тот самый водила, столкнувший ее в кювет. Алена направилась к нему, желая поскорее сказать, что именно думает о нем и его непроходимой глупости, которая заставляет в нормальных, приличных, уважаемых, даже, можно сказать, знаменитых людях видеть отбросы человеческого общества, как вдруг мужичок порскнул в сторону,

распахнул дверку какого-то сарая, и оттуда появилась лохматая рыжая собачища совершенно устрашающего вида.

– Рыжак, куси ее, куси, наркоманку проклятую! – завопил водила, и Алена поняла, что дядька вовсе сдвинулся.

Вышеназванный Рыжак смотрел на нее с сомнением. С одной стороны, не родилась еще на свет собака, которая решилась бы не то что укусить, но даже всерьез обляять Алenu. Так уж рассудили звезды, когда определяли ей судьбу, и с их волей Рыжак спорить не отваживался. С другой стороны, пес отлично знал, кто его кормит и поит... После некоторой заминки, во время которой он отчаянно обмозговывал ситуацию, Рыжак принял соломоново решение. Он ретиво, с самым свирепым видом ринулся к Алene, однако лаять не лаял, кусать не кусал, а просто принялся подталкивать ее своей лобастой головой к воротам. При этом он изредка поглядывал на нее снизу вверх с выражением явно извиняющимся. Это было так неожиданно и смешно, что Алена, вообще очень быстро переходившая от одного настроения к другому (наверное, это свидетельствовало о ее психической неустойчивости, а может быть, просто-напросто о легком характере), остановилась и начала хохотать.

– Здрасьте, – сказал в это время кто-то за Алениной спиной. – Вы не меня ищете?

Она обернулась. Высокая толстушка смотрела на нее с невероятно жизнерадостным выражением лица. Она была румяная, смуглая, с пышными, вьющимися черными волосами, с прелестными, чуть заметными усиками над тугими, вишневыми, лукавыми губами, и глаза у нее тоже были лукавые, блестящие, опять же очень похожие на переспелые вишни, сбрызнутые дождем.

– Рыжая куртка, джинсы, волосы кудрявые, глаза серые, – смеясь, перечислила толстушка Аленины приметы. – Вы так себя по телефону описали. Вы – писательница Дмитриева, правда? А я Светлана Львова.

– Кто?! – возопил водила. – Она – писательница? Да она ширяла, наркоманка, только что кололась вон там, под кустами, я сам видел!

– Было дело, – подтвердил стройный и очень красивый темноглазый парень в белом халате, в эту минуту вышедший во двор из невзрачного приземистого здания, где, очевидно, и размещалась подстанция.

У него была чудная стрижка: волосы короткие, но сзади, на затылке, оставлена длинная прядь. Лицо его показалось Алene смутно знакомым. Ага, так ведь это он сидел в кабине «Фольксвагена» рядом с водилой!

– Ну и связи у тебя, доктор Львова! – насмешливо продолжал красавчик, закуривая.

Глаза доктора Львовой словно вцепились в Алenu. Та растерянно моргнула, чувствуя себя чрезвычайно глупо. Ну в самом деле – анекдотическая ситуация!

Конечно, любой нормальный человек на месте Алены попытался бы объяснить, что налицо недоразумение. Но у нее вечно попадала вожжа под хвост, когда не надо. А потому, высокомерно задрав свой и без того вздернутый нос, она процедила сквозь зубы:

– Да что вы знаете о сути творческого процесса? За шесть лет у меня вышло тридцать романов. Думаете, так просто писать по пять книг в год без всякого допинга? Сами попробуйте, а потом осуждайте. К тому же я пишу детективы. А герои детективов – сами понимаете кто. В том числе и наркоманы. Должна же я знать процесс изнутри!

– Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда! – пробормотал, не вынимая сигареты изо рта, красивый доктор, потом вытащил ее – и оглушительно захохотал.

Ему вторила Света Львова.

Рыжак плюхнулся на землю, задрал ногу и принялся вылизываться, очень довольный тем, как сложилась ситуация. И только водитель Виктор Михайлович продолжал смотреть на Алenu с отвращением.

Вскоре Света рассказала Алене, что его трудно за это осуждать. Два месяца назад у него покончил с собой любимый племянник – наркоман. Мечтал вылечиться, даже закодировался, но... Со времени его самоубийства чувства юмора у Виктора Михайловича Сурикова значительно поубавилось. Выезжать с ним к наркоманам – а такие вызовы были весьма часты – стало очень тяжело, не раз врачи с трудом удерживали его, чтобы не ворвался в квартиру и не набил пациенту, грубо выражаясь, морду. Ему делали внушения, выговоры, однако исправить Сурикова оказалось чуть ли не труднее, чем излечить кого-нибудь от наркотической зависимости. Пару раз, после особенно тяжелых ситуаций, ему даже грозили увольнением. Однако он был классный, безотказный водитель, который хотел ездить именно на «Скорой», никогда не ворчал, к врачам относился, словно к родным детям, на зарплату не жаловался, в общем, готов был работать практически даром, и поэтому ему многое прощалось.

На счастье, Суриков водил машину «Реанимация» (симпатяшка с «хвостиком» – доктор Денисов – был реаниматором), а «научный консультант» Света Львова работала на линейной «Скорой», где шофер был другой. К слову – линейная бригада выезжает на все вызовы подряд, а потом, в зависимости от надобности, вызывает токсикологов, кардиологов или реаниматоров. Ну а если специалисты заняты, линейная принимает удар на себя. Как это бывает, Алена не замедлила узнать.

Она только успела вбежать во двор подстанции и наскоро обняться с Рыжаком, который при каждой новой встрече не уставал радоваться тому, что ему официально разрешено выражать свой восторг при виде этой избранницы созвездия Гончих Псов, кое, как известно, покровительствует всем собакам во Вселенной (это такая же аксиома, как та, что все псы попадают в рай!). В это время на крыльце появился маленький кореец, который водил машину линейной «Скорой». Парня звали Пак, но, имя это, фамилия или прозвище, Алена никак не могла постигнуть. Отличался шофер вежливостью и молчаливостью. А когда вдруг что-то произошло, хотелось заглянуть ему за спину: не прячется ли там крошечная девочка, которая говорит этим тоненьким-претоненьким голоском?

Следом за водителем, придерживая накиннутую на плечи куртку, вприпрыжку бежала Света, как всегда, румяная и жизнерадостная (такое ощущение, что она не на вызов спешит, а на свиданку!). В кильватере, заплетая ногу за ногу, тащился долговязый мужик лет двадцати с унылым и заспанным лицом. Чудилось, фельдшерский чемоданчик был чрезмерно тяжел для него, потому что парень то и дело перекидывал его из одной длинной, худой руки в другую.

– Привет. – Света помахала Алене. – Успела, ну молодец. Я уж думала, без тебя поедем. Или ты хочешь доктора Денисова? В смысле, хочешь ехать с ним?

Лукавые глаза Светы стали еще лукавей. Значит, не осталось незамеченным, как Алена приподнимает брови при виде доктора Денисова и поглядывает на него чуть сбоку, из-под ресниц... Да вот только нужна она ему, старая вешалка!

Ладно, не вешалка и не старая, но и не молодая, это точно.

Короче, с Денисовым все ясно.

– Конечно, я еду с тобой, ты что? – решительно сказала Алена. – А какой повод?

Вишневые Светины губы дрогнули в улыбке. Ишь ты, писательница уже усвоила кое-какие профессиональные выражения и вовсю щеголяет ими! «Повод» на языке врачей со «Скорой» – это причина вызова.

– А повод такой, что, видимо, инсульт, – сообщила Света, забираясь в кабину. – Давайте, ребята, живенько запрыгнули! Там дедуля по фамилии Маслаченко погибает, надо торопиться!

«Ребята» в лице Алены и унылого парня «запрыгнули» со всей возможной живостью. Алена-то показала себя с самой лучшей стороны, а вот парень забирался в салон так долго и с таким трудом, словно форсировал борт как минимум «КамАЗа». Алена в очередной раз

порадовалась тому, какая она стала теперь, похудевши, подвижная, проворная и так здорово владеет своим телом. Не то что раньше!

Что характерно, она всю жизнь, даже и в юности, была девушка весьма, как бы это поделикатней выразиться, увесистая. Алена вспомнила, как давно, лет пятнадцать назад, в пору своей бурной журналистской юности, однажды пыталась забраться в кузов раздолбанного «ЗИЛа» и не смогла это сделать до тех пор, пока ее снизу не подтолкнул какой-то веселый мужик – точно так же голосовавший попуткам на автодороге Сеченово – Сергач. Жутко вспомнить, как она полувисела на борту, не в силах забросить повыше свою тяжелую попу! Ей было стыдно потом поглядеть на мужичка, однако самое смешное, что он-то воспринял ее неуклюжесть как поощрение (дескать, девка просто подставилась, чтоб ее лапнули) и полдороги лез к Алене с самыми недвусмысленными намерениями: сначала словно играючи, а потом всерьез, нахраписто, с побелевшими глазами. Давай, дескать, вот здесь, прямо в кузове! Здорово она тогда перепугалась, ничего не скажешь! Строго говоря, особенно оберегать Алене было нечего: с невинностью она к тому времени уже успела распроститься в каком-то строительном вагончике в жарком-прежарком дальневосточном августе (да, выпала у нее однажды такая экстремальная поездочка чуть ли не на край света!), под упоительный гул ветра в вершинах берез, ошалелый скрип убогого топчана и запаленное дыхание некоего электромонтажника-высотника (имени его, если честно, Алена теперь не помнила – Женя? Толя?.. Нет, Игорь, ну разумеется – Игорь!), обладателя самых несусветных на свете, обольстительных, черных, совершенно убийственных глаз. Все прочее у него тоже оказалось каким надо, от юношески-гладкой, смугло-мраморной груди до невероятно сильных ног и неутомимого того, что находилось между ними... и долго, долго потом этот самый верхолаз, бегавший по проводам своей ЛЭП с тем же неподражаемым изяществом, с каким Алан Торнсберг танцевал самбу, донимал Алenu в эротических снах...

Короче, терять было вроде бы нечего, однако не в том дело! Уже тогда Алена знала, что всю жизнь будет сама выбирать себе мужчин и не потерпит ничего иного. И уж тем паче не допустит, чтобы какой-то там гегемон попользовался ее утонченностью (духовной!), интеллигентностью, изысканностью и другими лучшими качествами. Однако гегемон оказался из настырных – видимо, такие и делали революцию в семнадцатом году, не в силах смириться с тем, что богатые барыни нипочем не желают им принадлежать! Спаслась Алена только тем, что локтем вышибла стекло в кабину шофера и завопила дурным голосом. Водила по возрасту ей в отцы подходил, к тому же в кабине у него сидела бабуля, годившаяся Алене как минимум в прабабки. И эти два представителя старшего поколения на пару так отмутузили охамевшего гегемона (причем, как ни странно, физическому воздействию наиболее ретиво подвергала его именно бабуля, а словесной обработкой занимался водитель), что тот, видимо, навеки зарекся помогать представительниц враждебного класса.

Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, 1904 год, август

Я всегда знала, что выбрала себе службу, которая мало кому может показаться радостной и легкой. При том при всем я считаю, что хорошо справляюсь с ней, а нервы у меня еще и покрепче, чем у любого мужчины. К примеру, я совершенно не падаю в обморок при виде мертвых. Однако, когда чуть ли не каждый день приходит известие о неопознанных трупах, даже и мне работа следователя начинает казаться несколько обременительной!

Сегодня поутру, когда я собиралась в присутствие, а Павла чистила мои ботинки, зазвонил телефонный аппарат. Надобно сказать, что совсем недавно по приказу градоначальника были телефонированы квартиры некоторых чинов прокуратуры, сысского отделения и судебных следователей, в коем числе и моя. Меня очень радует сия техническая новация, однако Павлу она приводит в истинное содрогание. Заслышав трезвон, моя нянька начинает громко стучать зубами, переминается с ноги на ногу, закатывает очи с видом возведенной на костер христианской мученицы, под которой уже затлели дрова, поименно перебирает всех святых, а главное, роняет из рук все, что в эту минуту держит. Не могу описать, сколько посуды переколочено в нашем доме с тех пор, как на стенке прихожей воцарился пресловутый аппарат!

Между прочим, мне трудно осуждать Павлу... Я тоже нахожу нечто сверхъестественное в том, что звук человеческого голоса передается по проводам. И я, всегда считавшая себя просвещенной, лишенной каких бы то ни было суеверий женщиной, теперь втихомолку думаю: «Коли есть телефон, почему бы не быть черту?!» Честно говоря, я и сама иногда роняю вещи при звонке. Правда, не от страха, а от неожиданности. Так произошло и сейчас. Павла выронила щетку, которой наводила глянец на мой башмак. Сам башмак тоже выпал у нее из рук. В результате паркет в прихожей оказался выпачкан гуталином.

У меня же из рук вывалился портфель – и книжка, которую я туда засовывала. Собственно, книжек было несколько: тоненькие, в мягких обложках. Они веером разлетелись по полу. Я торопливо подхватила их и придирчиво осмотрела: не порвались ли? Дело в том, что книжки не мои. Вчера мне дал их Смольников.

Такой шаг он предпринял к примирению со мной. Наши отношения весьма охладели после того следственного опыта, который он устроил, едва не утопив безропотного городского. Но Смольников, надо сказать, относится к числу тех людей, которые не могут существовать, если не ощущают к себе всеобщей любви. Вряд ли он воспринимает меня как даму... то есть, к несчастью, во мне он видит именно женщину, а не дельного следователя, но я разумею – не воспринимает меня как женщину, достойную ухаживания, – и все же моя к нему явная неприязнь определенно мешает ему жить спокойно. Поэтому, зная о моем желании познакомиться с сочинениями некоего господина Конан Дойла, он и принес мне очередной выпуск «Приключений мистера Шерлока Хольмса». Это новеллы «Пестрая лента», «Серебряный», «Конец Чарлза Огастеса Милвертона». Я чрезвычайно много была наслышана о великом английском сыщике – преимущественно от самого Смольникова, который последние два или три месяца читает книжки английского сочинителя без отдыха, запоем, во всякое время дня и ночи, новые выпуски покупает немедленно и таскает их с собой. Он никому у нас в отделе проходу не дает, направо и налево расхваливая и самого Конан Дойла, и измышленного им героя. Стоило мне полюбопытствовать о качестве сей литературы, как Смольников выхватил из портфеля пять или шесть штук последних выпусков и щедрым жестом протянул мне. Я, разумеется, приняла эту трубку мира. Я могу сколько угодно продолжать считать Смольникова легкомысленным папильоном, однако мы работаем вместе, и наши личные отношения в интересах работы должны оставаться мирными.

Кстати, заодно о Шерлоке Хольмсе. Мне показалось, что детективные рассказы Конан Дойла ничуть не интереснее забытого французского романиста Габорио, а чудеса героя последнего – сыщика Лекока – не менее поразительны, чем подвиги Шерлока Хольмса. Однако Смольникову сказать об этом остерегаюсь. Боюсь, тогда мы опять поссоримся – и уж без примирения. Мою критику он сочтет оскорблением – и даже не себя лично, что было бы еще полбеды, а лучшего друга. Дело в том, что Смольников воспринимает господина Хольмса как лицо реальное и частенько предается мечтаниям о том, как поедет когда-нибудь в Лондон и нанесет визит дружбы в его квартиру на Бейкер-стрит. Восторги Смольникова разделяет письмоводитель прокуратуры Сергиенко, который, впрочем, и приохотил своего начальника к новеллам Конан Дойла. Такое впечатление, что Сергиенко вполне готов взять на себя роль доктора Уотсона при нашем нижегородском Хольмсе!

А впрочем, я отвлеклась. Вернусь к событиям дня.

Итак, зазвонил телефон, и после довольно громкого кваканья, которым обычно начинается всякий разговор, я услышала в трубке чей-то хриплый голос. Раньше, на заре развития телефонной связи, определить, кто говорит, не было никакой возможности: хорошо еще, если удавалось отличить мужчину от женщины. Однако прогресс не стоит на месте, и голоса в наших аппаратах сделались вполне членораздельны.

Оказалось, телефонировали со службы. Необходимо как можно скорей ехать на станцию: в одном из поездов обнаружен труп неизвестного. Сообщили, что брат извозчика мне надобности нет, потому что за мной заедет товарищ прокурора Смольников, за коим уже послали казенную пролетку. Меня предупредили, чтобы я вышла и ждала экипаж, но не во дворе, а на перекрестке: кучер новый, недавно нанятый, как бы не заблудился в наших Чернопрудных проулках!

Ну что ж – я ответила, что все поняла, обулась в ботинки, которые Павла тем временем дочистила, надела шляпку, взяла портфель, зонтик и отправилась на перекресток – караулить пролетку, размышляя о том, что Смольникову все-таки совершенно нестерпимо хочется помириться: вот даже заехать за мной предложил, хотя пролетка по рангу положена именно ему, чиновнику более высокого класса: мне обычно приходится нанимать городского извозчика...

К чему бы это? Не к дождю ли? Тем паче что погода нынче стоит премерзкая: моросит, пришлось открыть зонтик и задуматься о том, что не за горами осень. Скоро и Нижегородская ярмарка заявит о закрытии торга... В газетах все чаще встречаются объявления о продаже огромных партий товара с баснословными скидками. Разумеется, кому охота везти все это добро обратно!

Ждать пришлось недолго: вскоре зацокали по мостовой копыта. Высунувшись из пролетки, Смольников махал мне своим немислимим шапо как ни в чем не бывало, словно и не пробегала между нами черная кошка. Однако обращенное ко мне румяное, с рыжими бровями и ресницами лицо кучера отнюдь не выражало ни приветливости, ни любезности, а одно только изумленное негодование. При виде этой физиономии, честно сознаюсь, я едва удержалась, чтобы не помянуть про себя врага рода человеческого – а ведь Павла всегда бранит меня за то, что я легко чертыхаюсь!

– Филя, наш новый возчик, – отрекомендовал его Смольников. – А это, брат Филя, гроза всех нижегородских преступников – первая в мире женщина-следователь Елизавета Васильевна Ковалевская!

Он начал представление в свойственном ему шутовском тоне, однако тотчас заметил, какими негодующими взглядами мы с вышеназванным Филей меряемся, – и сделал большие глаза:

– Да вы никак знакомы?

– Имели такое счастье, – сквозь зубы ответила я, забираясь в пролетку проворно и без посторонней помощи. Смольников знает, насколько я строга насчет посягновений на женское

равноправие, потому с места не тронулся мне помочь, хотя, конечно, его душа, битком набитая предрассудками, и бунтовала. Филя тоже не подумал соскочить с козел и посадить меня, хотя это входит в его служебные обязанности.

Я мрачно уставилась в широкую, обтянутую синим казенным суконцем спину кучера. Настроение сразу испортилось. Следовало бы, конечно, спросить Смольникова, что ему известно о том деле, по поводу которого мы едем на станцию, однако я не могла выдавить из себя ни слова. Больше всего мне сейчас хотелось вернуться домой, под Павлино крылышко. Но немедленно стало стыдно и этих мыслей, и того, что я так легко поддаюсь случайному настроению. Чисто женская слабость, которую я всегда стремилась искоренить. Но что делать, что делать, если встреча с Филей пробудила во мне воспоминания об очень неприятных минутах!

Этот самый Филя – Филипп Филимонов, если не ошибаюсь! – год назад вез меня из Сергача. Тогда он служил на почтовых ямщиком. Я и знать не знала, как его зовут, конечно: ямщик да ямщик. Мне надобно было поспеть к началу процесса, на котором требовалось представить новые, собранные мною в Сергаче доказательства преступления. Но я выехала позже, чем рассчитывала, да еще погоды стояли совершенно наши, нижегородские: дело было в декабре, но внезапно грянула оттепель, и сани еле скребли полозьями в каше, которая в одночасье образовалась на большаке. Наконец мы дотащились до перегонной станции в Поречье – уже поздно ночью. И тут мне сказали:

– Лошадей вам нет. Ждите утра.

Легко сказать! В девять часов – начало процесса, а до города еще верст пятьдесят!

Я вышла из почтовой конторы в совершенном отчаянии, чуть не плача. Хоть караул кричи! И впрямь – кошмар, катастрофа! Тогда я еще только начинала работать: ко мне, женщине-следователю, еще не привыкли, относились в лучшем случае насмешливо-снисходительно, а вообще-то каждое лыко готовы были поставить в строку. И я прекрасно понимала: опоздаю на процесс, ослаблю позицию обвинения – меня не помилуют. Самое ужасное, что защиту на том процессе возглавлял знаменитый Плевако, нарочно прибывший из Петербурга. Обычно аргументация обвинения рассыпалась, как только он прикасался к улике. На процессах он шел, как медведь по чаще, но я надеялась, что привезенные мною доказательства не сможет поколебать даже этот великий человек. И вот случилось же такое!..

На дворе станции я увидела ямщика, который похаживал вокруг своих лошадей, похлопывал себя рукавицами по бокам, но явно ленился распрягать. Коняшки показались мне еще вполне бодрыми. Я так и кинулась к ямщику, умоляя довезти меня до следующей станции. Пообещала ему столь хорошие чаевые, что он похлопал рыжими ресницами – и согласился.

Мы тронулись в путь. Погода вновь изменилась: подморозило, лошадям стало куда легче бежать, сани так и понеслись. Мы очень лихо сделали еще один перегон, лошади на другой станции нашлись, к процессу я поспела, и даже господину Плевако ничего не удалось сделать с неопровержимыми доказательствами преступления!

Надо сказать, что после того случая мои позиции в следственном отделе значительно укрепились. Однако за все в жизни приходится платить... Не минуло и двух недель, как начальнику отдела пришла жалоба от содержателя почтовой станции: ямщик Филимонов свидетельствовал, что я угрозами принудила его сделать лишней перегон, сулила непременно засудить, если не повезет меня, гнать приказывала изо всей мочи, в результате чего одна из лошадей сломала ногу...

Поскольку я совершенно твердо знала, что на станцию тройка пришла невредимой, было понятно: ногу лошадь сломала на обратном пути, на обмерзшем большаке. Понятно, что выше-названный ямщик Филимонов хотел таким образом сложить вину с больной головы на здоровую. Но понятно сие было исключительно мне. А содержатель станции, желавший непременно возмещения убытков, и вместе с ним ямщик Филимонов алкали моей крови и продолжали писать на меня жалобы. Благодаря их усилиям мое скромное имя сделалось известно не только

в прокуратуре суда, но и в прокуратуре палаты, а также в канцелярии министерства юстиции и даже (!) в канцелярии государя императора!

Воистину – слух обо мне прошел по всей Руси великой. И надо же приключиться такому совпадению, чтобы именно злокозненный и мстительный Филипп Филимонов оказался новым кучером прокуратуры!

«Будем надеяться, – уныло размышляла я, трясаясь в пролетке, которую, такое впечатление, сей новый возчик нарочно направлял во все подряд колдобины и выбоины... а впрочем, следует признать: дороги в нашем городе вымощены преотвратительно! – будем надеяться, что содержатель той почтовой станции не устроился к нам смотрителем гужевого двора, и я буду избавлена хотя бы от встречи с сим записным крючкомвором!»

В это мгновение нас особенно сильно потрянуло, так, что зубы мои больно клацнули. Зубы Смольникова – тоже. Неужто он стерпит сие? Ведь мстительный Филя подвергает пытке не только меня, но и ни в чем не повинного товарища прокурора!

Я осторожно покосилась на своего соседа, убежденная, что увижу на его лице возмущенную гримасу и готовность приструнить облагавшего возчика, однако, к своему изумлению, углядела ехидную ухмылку, притаившуюся в уголках губ Смольникова. И тут меня осенило. А ведь все мои знакомые были осведомлены о травле меня содержателем почтовой станции! Кого-то эта история потешала, кто-то мне сочувствовал – особенно сыскные агенты, которые собирали доказательства обвинения в том, посрамившем великого Плевако, процессе. А вот Смольников в нем участия не принимал. Вспомнилось мне, он негодовал, что в Сергач тогда послали не его...

Господи боже! Да он ведь наслаждается сложившейся ситуацией! Он сразу сообразил, кто такой этот Филя Филимонов – новый возчик! И мгновенно измыслил маленькую пакость, которую можно подстроить коллеге – мало того, что женщине, да еще такой заносчивой строптивнице, как я, которая никак не хочет признать его выдающихся достоинств и даже не скрывает недовольства методами его работы! Он даже не мог дотерпеть до того момента, когда мы с Филей встретимся естественным путем, и именно поэтому предложил заехать за мной! Как глупа я была, уверясь, что Смольников непременно хочет со мной примириться!

Невероятным усилием воли я погасила вспыхнувшее возмущение. Я не только женщина, но прежде всего – следователь. А вот Смольников держится отнюдь не по-мужски. Фу, какое бабство – эта мелкая мстительность!

И, конечно, он рассчитывает, что я сейчас устрою Филе сцену, которую господин Смольников потом, изрядно приукрасив, передаст коллегам: «Наша-де Лизавета Васильевна только с виду ржавая сухая селедка, а по нутру, знаете ли, суцая фурия фуриозо! Сколько страсти, господи! Сколько пыла! Кто бы мог подумать, что в этой старой деве скрыты такие бездны!...»

А вот не дождетесь, господи! Не дождетесь!

Я повернулась к Смольникову и, по-прежнему клацая зубами на выбоинах, спросила официальным тоном:

– Не будете ли вы, сударь, так любезны посвятить меня в подробности дела, над которым нам снова предстоит работать вместе?

Я нарочно выделила голосом слова «снова» и «вместе». Ухмылка в одно мгновение соскочила с лица Смольникова, словно ее стряхнуло на очередном ухабе. Ну что ж, надобно отдать должное господину товарищу прокурора: не зря он увлекается фехтованием. Момента́льно закрылся шпагой – принял самый что ни на есть деловой вид и официально ответил:

– В тамбуре одного из вагонов пригородного поезда обнаружен труп.

И тут же сделал батман, уже не сдерживая злорадства:

– Кровищи – море! Труп-то расчлененный, так что нам предстоит по кускам его собирать.

С чем вас и поздравляю, сударыня!

Уж не знаю, чего он ждал – что я в обморок рухну или слезами зальюсь? Но не дождался ни того, ни другого. Я спокойно посмотрела в его блудливые черные глаза, кои некоторые глупые особы одного со мной пола считают неотразимыми, и со всей возможной твердостью ответила:

– Ну что ж, труп так труп!

Нижний Новгород. Наши дни

– ...периодика совершенно четко прослеживается! – вырвал Алену из задумчивости голос Светы.

Вскинула голову. Доктор Львова наполовину просунулась из окошка между салоном и кабиной и что-то быстро говорила, глядя в лицо Алены оживленно блестящими глазами.

Алена чуть не прыснула.

Нет, все-таки с консультантом ей невероятно повезло! Не надо слово за словом клещами тянуть – скорее наоборот: Света так и норовит что-нибудь рассказать из своей бурной трудовой биографии! Хорошо еще, что Алена – это чисто профессиональное! – всегда, даже задумавшись о другом, хранит на лице маску живого интереса и не разочаровывает людей внезапным ослаблением внимания.

Однако о какой периодике ведет речь Света? О течении какой-нибудь болезни? Как бы это поделикатней поинтересоваться, что, собственно, имеется в виду?

– Ты понимаешь, о чем я говорю? – напористо спросила Света.

О, подарок судьбы!

– Не вполне... – деликатно проронила Алена.

– Я о том, что после перестройки по нашим вызовам стало возможно довольно четко проследить периоды развития капитализма в России. Например, в начале 90-х вдруг возникла масса алкогольных интоксикаций, наши бригады токсикологов не знали ни сна, ни отдыха. А почему? Потому что первые буржуи, первые бизнесмены, первые «новые русские» лихорадочно обмывали все мало-мальски значительные события: сотую сделку, первый заработанный миллион... Но они довольно скоро поняли, что нельзя работать – и пить по каждому поводу. Второй период тоже связан с алкогольными интоксикациями. Но теперь пили не сами бизнесмены, а их жены, которым совершенно нечего было делать. Они получили возможность не работать, но, как себя развлекать, не знали. Дамы собирались вместе – и строили из себя настоящих леди, распивая всякие новые вина, ликеры и коньяки, о которых раньше в лучшем случае только в романах читали. Но ведь эти напитки шли к нам в основном из Польши! А спирт «Роял» мэйд ин Чина – в пластиковых бутылках? Или ликер «Амаретто» из какой-нибудь Малаховки? Сначала мы откачивали этих дамочек после выпитой литры, потом их же стали лечить от цирроза печени. Или пожизненно прописались при них – из запоев выводить. У меня были две таких знакомых – я их помню именно во время второго периода развития капитализма. Одна умерла два года назад – именно что от цирроза печени. Допилась-таки. Вторая, к счастью, еще жива, но запивает так, что... – Света поискала оригинальное сравнение, даже пощелкала пальцами, но сбилась на штамп: – Запивает, короче, как сапожник. Что-то ее домработница давно меня не вызывала – прокапывать. Месяца два как минимум! Может, закодировалась дама, как собиралась?

Алена кивнула. Она уже знала это расхожее профессиональное выражение – прокапывать. Врач приезжает к алкоголику, допившемуся до делириума, и вводит ему в вену особую смесь, безобидную довольно-таки (глюкоза, аскорбиновая кислота, витамины В6, В1, рибоксин, натрия бисульфат, чтобы связывал токсины, парацетам, иногда унитиол), но, пролежав часик под капельницей (отсюда и словечко – прокапывать), несчастный алик обретает возможность смотреть на жизнь более оптимистично, не ощущая патологической страсти немедленно размокнуть о стенку безобразно больную голову или звать Ихтиандра, крепче обнимая унитаз. На ближайшие неделю-другую он преисполнится новых сил, веры в будущее и надежды, что вполне сможет завязать, когда захочет. Вот только захотеть этого он не успеет: желание выпить – чуть-чуть, самую малость! – окажется сильнее. Так что добрый доктор Айболит с капельницей может быть уверен: ему скоро вновь представится возможность заработать!

– Между прочим, – наставительно подняла палец Света, – у тебя в детективе не будет, случайно, героини – бывшей алкоголички?

– Ты что, хочешь протекцию своей пациентке составить? – хмыкнула Алена.

– Ой, знаешь, какая это женщина интересная! – многозначительно покивала Света. – У нее такая судьба... Дамский роман!

– Честно говоря, я и сама еще не знаю, какие герои будут у меня в детективе, – призналась Алена. – Но факт, что ведущую роль непременно сыграет доктор со «Скорой».

– Доктор? – с невинным видом повторила Света. – Ах, ну конечно... А фамилия его какая?

Глаза ее смеялись.

– Или докторша, – невозмутимо продолжала Алена. – Говорю же, пока я еще ничего толком не знаю, но я всегда так пишу. Вначале полная темнота, потом там, наверху, – раз! – щелкнут пальцами – и я все *вижу*. Будет день – будет и пицца! Лучше давай-ка, пока мы еще не приехали, быстренько дорасскажи про свою периодизацию истории.

– Не успею, – с видимым сожалением сказала Света. – Потому что мы уже приехали.

«Скорая» свернула в уютный дворик, замкнутый хрущевками, и, мгновение помедлив, словно в раздумье, подкатила к одной из них.

– Сюда, – сообщил Пак своим тоненьким голоском и опять крепко-накрепко стиснул губы.

Выгрузились, поспешили вверх по лестнице, причем фельдшер (как выяснилось, его звали Костя) постоянно норовил отстать, а Света его сердито подгоняла. На четвертом этаже в квартире номер шестнадцать дверь уже была приотворена, и около нее взволнованно топталась милая старушка лет семидесяти пяти, толстенькая и уютная, словно та бабушка, которая некогда испекла знаменитый колобок.

– Я вас в окошко увидела, – пояснила она нам. – Сюда, проходите. Вот он, мой дедок!

В голосе ее звучали слезы. И было от чего! На полу в чистенькой, хотя и бедноватой комнатке лежал сухонький, словно мальчишка, старичок примерно того же возраста, что и жена. Лицо у него было синевато-бледным, губы почернели.

– С утра все было нормально: я наубиралась, намыла все, порядок навела в шкафу, в буфете, в аптечке, пустые коробочки, лишние бутылочки выкинула, – поминутно вздыхая, объясняла хозяйка. – А Петюня цветами занимался – он такой цветовод замечательный! Потом я в магазин пошла, того купила, сего, на базарчик заглянула, со знакомой постояла – у нее внук родился, вот про внука и поговорили... Часа полтора меня не было. Пришла домой – а тут... Неужели инсульт, а?

Слезы посыпались из набухших старческих глаз, словно горошины.

Между тем Света уже стояла на коленях около «Петюни», осматривала его и ощупывала, трогала фонендоскопом, считала пульс, поднимала веки и даже принохивалась к губам.

– Ну что? – тихо спросила Алена, тоже опускаясь на колени.

Света нахмурилась:

– Что-то я не пойму, если честно... Ни в одну картину наш дедок не вписывается. Хоть он и без памяти, но зрачок широкий, ни дефекации, ни мочеиспускания произвольного нет, а это при внезапном стволовом инсульте непременно должно случиться. Это не инсульт.

– Неужели инфаркт?! – всплеснула руками хозяйка.

– И это вряд ли. Конечно, губы потемнели и тоны сердца приглушенные, но они четкие, ровные, а пальцы не побелели. И, опережая вопрос, скажу, что это не диабетическая кома: дыхание не отдает ацетоном.

– Да что вы, девочки, не было у Петюни диабета! – произнесла хозяйка почему-то с оттенком обиды. – Какой еще диабет?

– Честно говоря, тут вполне можно предположить передозировку какого-то наркотика, – чуть слышно шепнула Света, лукаво поглядев на Алёну. – Но это уж совсем фантастика, правда? Ладно, начинаем работать, – она повернулась к фельдшеру Косте, который вяло поник в углу. – Ты еще не спишь, братан? Давай кислород, потом сделаем непрямой массаж сердца, добавим адреналин, чтобы не начал развиваться отек легких... Давление у него прямо никакое, сорок на шестьдесят...

– Ой, зачем вы мне все это говорите! – в голос зарыдала хозяйка. – И так смотреть на него страшно, а вы тут еще про отек легких да про давление!

Света и Алёна переглянулись. Комментарии доктора, знала Алёна, предназначались ей. Должна же она понимать, что происходит! А теперь что?

Однако Света и ухом не повела.

– Костя, давай-ка мне эуфиллин и доксиметазонин, – продолжала командовать она. – Нет, укол я сама сделаю, у деда вены слабые, не для твоих замашек!

Был сделан укол – и «Петюня» почти тотчас открыл глаза!

– Петечка!

– Ого!

– Отлично! – воскликнули хором хозяйка, Алёна и Света, и даже вялый Костя удостоил моментальное воскресение из мертвых глубокомысленного «О-о!».

Дед сел, но его сразу занесло, и он снова повалился на пол. Приподнялся, опершись на локоть, огляделся расплывающимися глазами, воскликнул радостно:

– Маруся! Ты уже здесь! А я так волновался, так волновался!

Голос его звучал вязко, словно язык и губы повиновались ему с трудом.

– Волновался он! – всхлипывая и смеясь, воскликнула хозяйка. – А я-то как за тебя переволновалась, Петюня! Что это такое с тобой случилось?

Тот словно и не слышал, сосредоточенно прищипывая пальцами свою одежду то там, то здесь. Через мгновение он так же деловито забегал пальцами по халату Светы.

Алёна вытаращила глаза. Света вдруг закашлялась, и оказалось, что «научный консультант» с трудом сдерживает смех.

– Видишь, он мошек ловит? – шепнула так, чтобы ее могла слышать только Алёна. – Типичная картина делириума!

– Так он что, просто напился? – так же полубеззвучно шепнула Алёна.

Света качнула головой:

– Даже и намека нет. То есть явно он что-то выпил, а вот что?! Петр... э, извините, как ваше отчество? – заговорила она громко.

– Петрович, – рассеянно отозвался дедок, истово продолжая собирать незримых насекомых.

– Петр Петрович, вы, значит, волновались, что жены долго нет? – взяла его за руку Света. Якобы пульс сосчитать, а на самом деле, как поняла Алёна, остановить это суетливое, до невозможности смешное и бессмысленное перебирание старческих, сухих пальцев.

– Волновался, а то как же! Аж сердечко закололо. Я думаю: как прихватит тут от волнения... Пошел и лекарство выпил.

– Ага-а... – довольно протянула Света. – И что же вы пили? Пустырник? Валериану?

– А бес его знает, – рассеянно отозвался Петр Петрович, делая настоятельную попытку вырваться из ее цепких пальцев. – Пошел в ванную, взял там в аптечке бутылек...

– А-ах! – громко, почти с провизгом воскликнула Маруся – и зажала рот рукой, хотя глаза ее выражали ужас.

– А ну, дорогие хозяева, – строго сказала Света, – где у вас аптечка? Быстренько покажите мне бутылек, из которого вы пили, Петр Петрович.

– Аптечка в ванной, – ответил дедуля. – А бутылек там всего один.

Маруся снова ахнула – на сей раз сдавленно, из-под руки.

– Стоп, стоп... – протянула Света. – Кажется, я поняла, в чем дело. Вы говорили, что с утра делали уборку, правильно? И в аптечке прибрались... бутылочки пустые выкинули... А куда содержимое их дели? Неужели в один бутылек слили? Так, дорогая Мария... извините, вашего отчества я тоже не знаю.

– Марья Николаевна, – стыдливо, будто девушка, которая первый раз знакомится с парнем, пробормотала хозяйка. – Слила, слила, уж не припомню точно, что именно слила... а он, значит... ох, Петюня!

– Вернее будет сказать: ох, Маруся! – пробормотала Света «в сторону», как пишут в пьесах.

– Света, ты настоящий детектив, – сказала Алена через несколько минут, когда, собравшись и простившись, они выходили из квартиры. – Все-таки я, наверное, сделаю героиней своего романчика тебя, а не доктора Денисова.

– Премного благодарны, – усмехнулась Света, но видно было, что ей приятно. – А если без дураков, случай хоть и безумный, но без нашей помощи дед бы точно погиб, ты понимаешь? Поэтому ладно, валяй, делай меня героиней!

Они вышли на лестничную площадку – и благостное настроение как рукой сняло. Угодили на разборку.

На площадке громко спорили прилизанный парень в кожанке и пухленькая дамочка лет сорока в обтягивающих джинсах и маечке, которая, наверное, когда-то была хозяйке впору, но это время безвозвратно миновало. Алена неодобрительно покосилась на мягонький животик, свесившийся через ремень джинсов, и как можно сильнее напрягла пресс. На ней-то джинсы сидели как влитые, никаких намеков на предательские складки на пузике!

– Да сколько раз вам повторять! – надрывалась женщина, нервно ероша короткий темно-рыжий ежик на голове. – Вы что, плохо слышите?! Не грабил нас никто, не грабил!

– Здравствуйте, Людочка, – Маруся резво просунулась между Светой и Аленой. Лицо ее выражало неумное любопытство. Быстренько же бабуля реабилитировалась!

– Тетя Маша, да хоть вы скажите! – Соседка с надеждой воззрилась на нее.

– Что сказать? – Марья Николаевна решительно раздвинула молодых женщин и выступила на площадку.

– Скажите, что меня ни разу не грабили!

– Слава богу, нет! – Марья Николаевна даже руками всплеснула. – У нас подъезд тихий, приличный, ни разу ничего такого... А что? Кому это в голову могло прийти?

– Да вон! – уперев руки в бока, Людочка своим энергичным круглым подбородком указала на молодого человека. – Следователь пришел из прокуратуры! Показания снимать! Проверил бы сначала, что никакого заявления от нас не было. Если человека грабят, он милицию зовет, а мы что? Звали?

– Да вы, молодой человек, наверное, адрес перепутали, – успокаивающе сказала Марья Николаевна.

– Ничего я не перепутал! – угрюмо буркнул парень в кожанке. – У меня тут запротоколированные показания Шурки Кренделя, который сделал чистосердечное признание, что он вынес из этой квартиры – вот видите, адрес? Совпадает адрес! – пятьдесят тысяч долларов в валюте, а также золотых вещей и бриллиантов примерно на сумму сто тысяч рублей, ну и еще ноутбук.

Тишина, которая воцарилась на площадке вслед за этими словами, вполне заслуживала названия мертвой.

– О-о! – первым очухался фельдшер Костя. – Ну и чего ты отнекиваешься, тетенька? Тебе мало? Ежели этот Крендель колется, что ты ограбил, значит, решил раскаяться и возме-

стить ущерб. Соглашайся скорей! Какая те разница, грабил, не грабил, если такие деньжищи огребешь!

Сама по себе столь длинная речь из уст вялого и молчаливого фельдшера была достойна изумления, однако сейчас на него никто не обратил внимания.

Людочка, по всему видно, пребывала в состоянии полного ступора. Алена и Света выразительно переглянулись. Что для одной, врача «Скорой помощи», что для другой, не слишком-то, повторимся, высокооплачиваемой писательницы, сумма в пятьдесят тысяч долларов (нет, пятьдесят три, включая и драгоценности) оказалась запредельно большой, о ней можно было только мечтать. В дополнение к деньгам Алена быстренько позволила себе помечтать и о ноутбуке. Своего она лишилась прошлой зимой, когда водила за нос частного детектива Долохова. Бандитская пуля – натуральная бандитская пуля! – прикончила ее ноутбук, а с тех пор Алена никак не могла разбогатеть, чтобы позволить себе новый. Правда, у нее еще оставался стационарный домашний компьютер – на нем и валяла свои романчики.

– Не, сыночек, – с сожалением покачала в это время головой Марья Николаевна. – Ошибся ты, точно говорю. Ну откуда у них такие деньжищи! Ты хоть в квартиру войди, посмотри, как они живут. Какие там драгоценности да золотишко, какие там доллары? Людка вон бюджетница, в регистратуре в нашей поликлинике еле-еле свои полторы тыщи в месяц высиживает. Муж ее малость побойчей, в автосервисе пристроился, но тоже с его зарплаты не больно-то накопишь. Они вон холодильник в кредит взяли, так раньше Людка в булочной две пачки масла и два батона на ужин брала, а теперь только один! И масла одну пачку! Подтянули пояса, а как же, кредит надо отдавать!

Почему-то при этих словах все поглядели на сдобный Людкин животик. Неведомо что подумали прочие, однако Алена стопроцентно была убеждена, что его обладательнице вообще надо думать забыть о батонах на ближайшие годы.

Однако Марья Николаевна утрет нос любому Штирлицу в сборе разведанных! И, похоже, она убедила молодого следователя.

– Черт, неужто наврал Крендель? – пробормотал он обескураженно. – Вот сволочь. Вот и верь после этого, что признание обвиняемого – царица доказательств! Ну, это ему даром не пройдет, Кренделю! А вы, гражданка Логинова, раз так – извините за беспокойство. До свидания.

Он прощально кивнул всем, повернулся и зачастил ногами по ступенькам.

Людочка сделала своим полненьким тельцем такое движение, словно хотела броситься ему вслед и уже даже руку протянула – схватить за шиворот и вернуть! – но немедленно опомнилась. Хмуро окинула взглядом собравшихся, буркнула что-то невнятно, отпрянула за свою дверь и так ею хлопнула, что по «хрущобе»-ветеранке прошел ощутимый гул.

– О-о! – снова сказал Костя и начал спускаться куда более проворно, чем поднимался.

– Эй, сыночек! – вдруг всплеснула руками Марья Николаевна. – Погоди!

Костя обернулся с недовольным видом:

– Чего еще?

– Да я не тебя! – отмахнулась бабуля. – Слышь? Молодой человек! Когда этот твой Крендель доллары стянул, а?

Снизу послышались торопливые шаги, и на площадке снова возник парень в кожанке:

– В 1998 году, в августе. А что?

– Матушка Пресвятая Богородица... – Марья Николаевна взялась за сердце.

– Долго ж он думал, этот Крендель. Что ж это его вдруг разобрало сознаться, интересно?! – усмехнулась Света.

– А мы его только недавно повязали, и у него, видать, от переживаний одна почка отказала. Сейчас на искусственной лежит, ну и, видать, решил некоторое количество грехов на

земле оставить, чтоб не тянули в пучины адские, – с забавной, какой-то старомодной словоохотливостью объяснил парень.

Алена смотрела на него во все глаза.

«Колоритный персонаж. Не взять ли интервью? Может, как-нибудь пришью к сюжету? Да и про Кренделя смешно до нелепости!»

– А ведь он, очень может быть, не соврал, вот что я вам скажу! – торжественно объявила Марья Николаевна. – Тут раньше, в 98-м, другие люди жили. Это их, наверное, ограбили! Только у нас в подъезде об этом никто не знал...

За дверью послышался громкий разочарованный вздох и удаляющиеся шаги. Итак, Людочка стояла в своей прихожей и подслушивала. Наверняка обдумывала, как взять свои слова обратно. А теперь поняла, что это вряд ли удастся.

– Другие люди? – насторожился «колоритный персонаж». – Кто такие?

– Муж с женой, – охотно сообщила Марья Николаевна. – Лопухины. В 98-м аккурат и разошлись: она от него ушла, а все, что вместе нажили, ему оставила.

– Ах, какая женщина! – пробормотал Костя мечтательно. – Мне б такую!

– А тут дефолт устроили. Помните, сколько народу тогда разорилось... Наши сыновья тоже потом на пустом месте начинали, все снова-здорово, так и не очухались. Ну и этот Лопухин очень сильно переживал. Угодил с инфарктом в больницу, да и не вышел оттуда. Я тогда дивилась: ну что ж так убиваться-то? А может быть, его еще и ограбили? Ведь все аккурат в августе и грянуло! Одной рукой его этот Крендель обобрал, другой – Ельцин с Чужаниным да с Чупа-чупсом. Главное дело, что за напасть на Нижегородчину?! Чужанин – наш бывший губернатор, Чупа-чупс тоже отсюда на верхи выполз, да сюда же и вернулся, дожирать то, что еще не пожрал! Вот червяк на ножках, а?!

Алена нетерпеливо покачала головой. Если бабульки заведутся насчет неправедных властей – это пиши пропало. Что характерно, Алена готова была согласиться с Марьей Николаевной по всем позициям. Она тоже усматривала некий жутковатый знак судьбы в том, что виновники обрушившегося в 1998 году на Россию кризиса оба явились из Нижнего. Этакие «Минин и Пожарский» – только со знаком минус. Нет, с десятью минусами! У Алены, как и у многих, был к господам Чужанину и Чупа-чупсу свой личный счет. Вернее, его полная и окончательная ликвидация. Супруги Ярушкины после того рокового августа перестали быть людьми преуспевающими! Но, по легкости и легкомыслию своей натуры, Алена не любила оглядываться на прошлое – тем паче на грустное прошлое. Она вообще предпочитала не вспоминать и не размышлять о печальном, а потому хотела закончить этот разговор как можно скорее.

И тут в кармане Светиной куртки запел мобильник. Звонил из машины шофер Пак. Поступил вызов: мужчина бросился с балкона, видимо, попытка суицида, реанимация с доктором Денисовым на другом вызове, надо срочно ехать линейной бригаде.

Кое-как простились с Марьей Николаевной и оперативником, побежали вниз. Уже забираясь в салон, Алена вспомнила, что так и не познакомилась с «колоритным персонажем», не знает, где его теперь искать.

Ну, стало быть, судьба такая. Вернее, не судьба!

Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, 1904 год, август

Не раз подмечала, что люди из народа порою бывают пронизательней нас, так называемой интеллигенции. А уж образности и точности их выражений можно только дивиться. У моего покойного отца служил некоторое время лакеем малый по имени Николай. По выучке это был слуга старого закала, перебивавший во многих семьях, а по повадкам... Он был маленького роста, имел пушистые усы, не особенно казист с виду, что не мешало ему пользоваться головокругительным успехом у всех горничных, портних, белошвеек, нянек и т.п. из близлежащих домов. У него имелась гитара, украшенная бантом, и иногда он меланхолично перебирал струны. Нас-то, господ, он стеснялся, однако для «барышень» своих частенько пел, и это делало их необычайно мягкими и податливыми. Николай считался среди всех лакеев нашего дома записным сердцеедом и, само собой разумеется, знатоком женщин. Я была еще девочкой в ту пору, но очень хорошо помню, что с прислугой Николай любил высказаться насчет слабости «дамского нутра».

Неудивительно, что я, дочь судебного следователя, воспитываемая им, вместо так и не родившегося сына, совершенно в спартанской обстановке, всегда хотела быть только работником юстиции. Отец мой меня непоколебимо поддерживал. Хоть встречала я немало скептиков, да и поступление в университет далось мне нелегко из-за массы расхожих предрассудков, однако именно Николай навеки поселил во мне глубинную, потаенную, тщательно скрываемую неуверенность в своих силах. Всего лишь два или три раза мне пришлось слышать в детстве эти на редкость циничные и пренебрежительные слова по поводу женского «нутра» и его слабости, однако рассуждения сии навеки запали в мою память. Николай выражался не просто в том смысле, что курица не птица, прапорщик – не офицер, а баба – вовсе даже не человек. Николай проповедовал – серьезно и убежденно! – что господь бог нарочно наложил на женский ум (разумеется, более слабый и несовершенный, нежели ум мужской!) некий запрет, нарушать который не только грешно, но и опасно. Да и слабость «дамского нутра» содеяна Творцом в целях сбережения рода человеческого – дабы женщины, жены, матери не оскоромились вседозволенностью, которой неустанно искушает их враг рода человеческого.

Ну и разное прочее в этом же роде проповедовал многоумный Николай, однако слова о слабости «дамского нутра» я всегда трактовала буквально. Что и говорить, я посматривала свысока на многих своих сестер по полу. К примеру, ни одну из моих подруг по гимназии или кузин невозможно вообразить в анатомическом театре в качестве досужей посетительницы и зрительницы. Я же всегда гордилась крепостью своих нервов. Однако крепки они оказались лишь до поры до времени, выяснилось, что жизнь еще не подвергала меня по-настоящему серьезному испытанию. То, что привелось мне увидеть в тамбуре пятого вагона пассажирско-товарного поезда, поразило меня настолько, что потребовалось все мое мужество и все молитвы, которые только могла в это мгновение вспомнить, я обратила к господу нашему, дабы не попустил моего вселенского позора перед ехидным и зловредным Смольниковым, дал силы и стойкость перенести это испытание.

Господь отозвался на мои молитвы, избавил меня как от обморока, так и помог справиться с позывами неукротимой рвоты, вдруг охватившими меня. Однако прошло немалое время, пока я хотя бы немного свыклась с отвратительными картинами, то и дело всплывающими в памяти. Вот только теперь смогла буквально за шкирку подтащить себя к письменному столу и взяться за дневник, который я обещала покойному отцу вести чуть не ежедневно.

Тем паче что за два пропущенных дня произошло немало событий.

Происшествие первое – стала известна личность женщины, чье тело было найдено в сундуке на волжской отмели.

Сие произошло по случайности. Разумеется, описание неизвестной было помещено городским полицейским управлением в «Нижегородском листке» и в «Нижегородских губернских ведомостях». Однако, как водится, приметы сии были редкостно расплывчаты и неопределенны: неизвестная особа женского пола, росту среднего, лицо чистое, возраст около тридцати, волосы рыжеватые. Впрочем, это уже кое-что! Все-таки «волосы рыжеватые» не столь распространены, это относится скорее к особым приметам, которые так часто помогают выявить личность того или иного человека. А вот когда читаешь в «Губернских ведомостях» заявления уездных полицейских управлений или присутствий по воинской повинности о каких-нибудь уклоняющихся от призыва Петра Ивановича или Ивана Петровича и встречаешь там что-нибудь в этом роде: «Двадцати семи лет, роста среднего, волосы русые, лицо чистое, грамотен», – то невольно воскликнешь, перефразируя Кирилу Петровича Троекурова: «Да кто ж не среднего роста, у кого не русые волосы, не чистое лицо! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с этим Петром Ивановичем или Иваном Петровичем, а не догадаешься, с кем бог тебя свел. Нечего сказать, умные головушки приказные!»

Повторюсь: установить личность неизвестной помогли именно ее волосы – не столько рыжеватые, конечно, сколько красивого каштанового оттенка. Имя ее оказалось – Наталья Юрьевна Самойлова, двадцати девяти лет. Г-жи Самойловой хватился некий Сергей Сергеевич Красильщиков, конторщик нижегородского отделения паровой компании «Кавказ и Меркурий». Он забеспокоился о своей невесте (по сути – сожительнице), которая давно к нему не хаживала, хотя прежде посещала чуть не каждый день. Красильщиков сначала предавался ревности: не отыскался ли у него соперник, – затем забеспокоился всерьез. Он на ножах с братом Натальи Юрьевны, а потому не мог явиться к ней в дом и осведомиться, не заболела ли она и по какой причине пренебрегает встречами. Когда он все-таки решился на сие, прошло три или четыре дня. Обуреваемый тревогой, Красильщиков подстерег и подкупил кухарку, когда та шла на базар, и она поведала ему, что Наталья Юрьевна дома нету уже который день, хозяин (разумелся брат пропавшей) бранит ее на чем свет стоит, потому как убежден, что она проводит время со своим сожителем, и грозится пожаловаться на Красильщикова его начальству в контору «Кавказа и Меркурия». То есть произошло обыкновенное бытовое недоразумение, по причине коего покойница столь долго и оставалась неопознанной.

В анатомический театр на освидетельствование трупа Сергей Сергеевич Красильщиков и Евгений Юрьевич Лешковский, брат Самойловой (она была прежде замужем, да овдовела, но фамилию, понятное дело, носила мужнину), явились одновременно и держались одинаково отчужденно – до той минуты, как им предъявили мертвое тело.

Я исподтишка поглядывала на них. Такое впечатление, что оба втихомолку надеялись: вдруг это окажется не Наталья Юрьевна? Однако – уввы... Узнав ее, брат и жених повели себя вполне одинаково: издали громкий потрясенный крик, потом поглядели друг на друга – и кинулись... о нет, не обняться и не зарыдать дружным хором о дорогой усопшей! Они с равным усердием принялись тузить и колошматить друг друга, выкрикивая самые ужасные оскорбления и, по сути, обвиняя один другого в убийстве молодой женщины.

Какое-то время мы все: я, полицейский, прибывший со мной, санитар покойницей и эксперт-патологоанатом стояли остолбенев – это от растерянности. Я, впрочем, очнулась быстрее остальных и закричала:

– Разнимите их, господа, что же вы медлите!

На Красильщикова и Лешковского навалились и растащили их по углам, однако они продолжали громко браниться. Из этой перебранки внимательному уху стало ведомо кое-что интересное. Оказывается, Лешковский был категорически против романа сестры с незначительным пароходским служащим. Наталья Юрьевна получила после смерти мужа очень недурное

наследство (пожалуй, ее можно было назвать завидной невестой!), и Лешковский не сомневался, что Красильщикова прежде всего привлекают ее деньги. Я-то как раз уверена, что прежде всего его привлекала яркая красота Самойловой (надо отметить, что он и сам высок ростом и довольно хорош собою, хоть и несколько, на мой вкус, благостно-пресен), ну а деньги никогда и никому не показались бы лишними.

В ответ на ругань Красильщиков отвечал, что если здесь кто-то и мечтал прибрать к рукам деньги Натальи Юрьевны, то это отнюдь не он, а сам Лешковский. В отличие от сестры, разбогатевшей благодаря удачному браку с каким-то «чувствительным идиотом», как пренебрежительно назвал ее покойного мужа брат, сам Евгений Юрьевич жил весьма скромно, только лишь на жалованье учителя гимназии: он преподавал латынь и мертвые языки⁶. Его страстью были старинные книги и рукописи, настоящие библиографические редкости: у себя дома Лешковский собрал преизрядную библиотеку. Книги сии и рукописи он привозил из путешествий, куда отправлялся, конечно, не на скромный учительский заработок, а благодаря щедрости сестры. Красильщиков уверял, что Самойловой надоело поддерживать безумные проекты брата, тратить деньги на никому не нужные книги, она хотела жить настоящей жизнью. После замужества она лишила бы Лешковского материальной поддержки. Теперь, после смерти Натальи Юрьевны, брат остался наследником всего ее немаленького состояния. Значит, делал простейший вывод Красильщиков, Лешковский и убил ее.

Евгений Юрьевич тоже не пощадил своего, с позволения сказать, противника. Так, он сообщил всем желающим выслушать (напомню, в их число входили четверо живых – официальные чины – и штук двадцать мертвых тел, принадлежащих прежде к самым разным общественным слоям и званиям), что сестра его прежде была увлечена Красильщиковым, спору нет, однако в последнее время разочаровалась в нем и твердо вознамерилась прекратить их отношения. Она считала Красильщикова человеком распущенным и развратным, обвиняла любовника в том, что под его влиянием пристрастилась к вину, пробовала курить сигарки и даже начала красить волосы в рыжий цвет, покупая помаду банками у какой-то авантюристки...

Боже мой, подумала я в этом месте, оказывается, роскошный цвет кудрей Натальи Самойловой – не более чем результат воздействия какого-то красителя! Сама не знаю, почему меня это так огорчило.

Вообще сестра его, продолжал выкрикивать Лешковский, была о жизни семейной, тем паче – с Красильщиковым, самого невысокого мнения и все более увлекалась наукой, особенно мертвыми языками. Исследования и изыскания, проводимые братом, приводили ее в восторг, она ничего так не желала, как посвятить им остаток жизни... Красильщиков, который надеялся поправить свои материальные дела (он транжира и отъявленный игрок, господа!), не перенес отказа и из мести убил бывшую невесту.

Слушая все это, я с превеликим трудом скрывала усмешку, безусловно, неуместную в сем трагическом случае. Однако, ежели отвлечься от печальных обстоятельств, в ситуации и впрямь оказалось премного забавного.

Вообразить себе Наталью Самойлову, с ее прекрасными формами и роскошными каштановыми кудрями, посвятившую «остаток жизни» разбору каких-нибудь халдейских манускриптов, мне оказалось очень сложно. И, спору нет, наследство, свалившееся теперь, после ее смерти, на Лешковского, было весьма изрядно. Случалось, сживали со свету и за меньшее!

Ревность и мстительность Красильщикова тоже являлись вполне убедительным поводом для убийства. Но я доподлинно знала: эти двое – не убийцы. Ведь Самойлову вообще никто не убивал...

Да-да. В этом с пеной у рта уверял меня наш эксперт. Ни следа яда не нашел он, и внешних повреждений, повторюсь, не было. Причиной смерти стал сильнейший сердечный спазм,

---

⁶ Так назывались древнегреческий, древнееврейский и др. языки, не имеющие современного употребления.

доказывал доктор. Это очень странно, ведь, по всему судя, Самойлова отличалась прекрасным здоровьем. И сердце у нее было здоровое. А вот поди ж ты!..

Словом, доктор не сомневался, что смерть наступила от самых естественных причин. «Даже говорить не о чем!» – горячился он.

О да – говорить было бы не о чем, когда бы мы обнаружили тело Самойловой дома, на квартире у ее любовника или у подруги, в театре, в городском саду, даже просто на улице! Однако труп ее нашли в сундуке, брошенном в Волгу и лишь чудом вынесенном на отмель. Почему, почему естественная кончина Самойловой показалась настолько опасной человеку, в присутствии которого ее смерть приключилась, что он счел необходимым не заявить в полицию, а спрятать тело? И считал, что сделал это совершенно надежно, был убежден, что труп не найдут.

Почему?!

Я не находила ответа. Смущала и простая холщовая сорочка, в которую была одета мертвая. Лешковский удивился, увидев ее. Сказал: «Дивлюсь... Наталья никогда бы такую не надела! Она обожала хорошие, дорогие вещи, тратила на них огромные деньги!»

Красильщиков выразился еще определеннее: у Натальи-де белье было, словно у парижской кокетки, сплошное кружево да ленты. Она и в деревенскую баню в такой грубой холстине не пошла бы.

Получалось что? Мало того, что Наталья Самойлова умерла неведомо где и неведомо отчего – кто-то еще и ограбил мертвую? А потом решил скрыть тело...

Может быть, она умерла от испуга? Может быть, ее кто-то напугал до смерти?

В нашем городе давно не случалось столь загадочных историй! А тут еще то, другое преступление, «Дело пятого вагона», как мы называли между собой историю с расчлененным трупом...

Вот я и вернулась к началу моей сегодняшней записи и к той слабости, которую чудом не проявила.

Я сейчас наедине со своим дневником. Даже Павла уже похрапывает в своей каморке около кухни. И слава богу! В дверцах книжного шкафа я вижу свое угрюмое отражение. До чего не хочется писать! До чего хочется отложить это до завтра, пойти и лечь спать!

Но, во-первых, никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня, а во-вторых, я себя знаю. Завтра мне тоже не захочется вспоминать об этом страшном, отвратительном деле... Смешно! Как будто мне удастся о нем забыть! Как будто расследованием его не полны мои дни! Как будто именно к нему не сводится всякий разговор, затеваемый у нас, и в прокуратуре, и, конечно, в уголовной полиции, агенты которой просеивают город, словно сквозь сито! Обыватели о случившемся пока молчат, слухи не просочились в печать – по распоряжению самого господина градоначальника, которому об сем было доложено незамедлительно. И я считаю, что это правильно. Какое счастье, что мы живем хоть и в губернском, но относительно небольшом городе, где печатные издания находятся под неусыпным контролем властей! Уверена: управляться с газетчиками в Петрограде или Москве значительно труднее. А может быть, и вовсе невозможно. Непременно сыщется какой-нибудь пронырливый журналистишка, который пронюхает неприятную новость – и тотчас пожелает раздуть из нее сенсацию, заботясь лишь о себе, о собственном гонораре и мелкой, сиюминутной известности, совершенно не озаботясь тем, что из малой искры суетной публикации способен разгореться истинный пожар – опасный для спокойствия обывателя, нарушающий его уверенность в завтрашнем дне, подрывающий доверие к властям, кои не в силах найти и покарать злодея, содежавшего кровавое преступление.

С другой стороны... Вот же дурацкая моя натура! Я всегда четко знаю, что у палки – два конца, и должна видеть оба. Минуло уже два дня, а мы до сих пор не знаем, кто этот неизвестный, чья судьба так трагически сложилась. Стоило нам опубликовать приметы Натальи Самой-

ловой, как тело ее было опознано. А этот несчастный так и остается неизвестным. С другой стороны... или это уже с третьей?! – какие приметы его мы могли бы предъявить вниманию читателей? Удалось установить только, что при жизни он был невысок, худощавого телосложения, молод – не более тридцати лет. Кожа его была усеяна частыми родинками, а также он, по вполне определенному признаку, принадлежал к числу мусульман или иудеев. Мы можем предположить, что волосы его были темно-русые, однако насчет цвета глаз, наличия усов или бороды сказать нечего. Просто потому, что голова его до сих пор так и не найдена...

Нет, положительно: нутро у следователя Ковалевской самое что ни на есть дамское, слабое и несовершенное. Не могу и не хочу писать больше ни слова! И не буду!

Нижний Новгород. Наши дни

Только вывернулись из глубины дворов и оставался какой-то десяток метров до проспекта, как вдруг шофер резко ударил по тормозам: мимо с ревом и воем промчалась машина ГАИ:

– Внимание! Пропустите автоколонну! Пропустите автоколонну!

Машины прижались к обочинам, проспект опустел.

– К нам кто-то прилетел? – спросила Света, поворачиваясь в салон. Дорога вела из аэропорта, так что вопрос был закономерен.

– Представления не имею, – пожала плечами Алена.

– Чупа-чупс сегодня возвращается из Москвы, – сообщил Пак и постучал пальцем по свернутой газете, которая лежала на приборном щитке.

– Чупа-чупс! Да гори он огнем! Еще будем мы из-за этого червяка стоять, – фыркнула Света. – Врубай сирену, Пак! Поехали!

На маленьком, узкоглазом, тонкогубом личике отразился откровенный испуг:

– Так ведь милиция...

– А у нас, может быть, человек умирает! Поехали! – выкрикнула Света, краснея от злости.

Алена не без любопытства наблюдала эту жанровую сценку. Новое проявление бурной народной любви к Чупа-чупсу, он же – полномочник, он же – нефтяник, он же – комсомольская давалка, он же – лохотронщик, он же – родный папа пенсионеров, он же – умный мальчик, полтинник, хаббардист-сайентолог, маменькин сынок, младореформатор, политический попугай... Вообще-то фамилия у него была самая простая – Сухаренко, но прозвищ этому представителю верховной власти в Нижегородчине народ придумал немало, причем были среди них и такие, какие в приличном обществе не выговоришь. И каждое имело четкое обоснование. «Маменькиным сынком», к примеру, Сухаренко именовался оттого, что накануне окончания школы взял фамилию матери. Правда, как раз в это время родители разошлись, мальчонка остался с мамой, вроде бы все объяснимо, но поговаривали, что родители расстались нарочно, дабы «пятая графа» папиной анкеты не портила карьеру сыну, которому его отец, человек редкостных тактических и стратегических талантов, пророчил блистательное политическое будущее. Ну что ж, папа и впрямь оказался провидцем. Другое дело, что народу – русскому народу – это обошлось очень дорого. Но какое дело вышеупомянутому папе было до блага русского народа? Совершенно наоборот! Впрочем, среди знакомых Алены немало было людей, которые относились к «умному мальчику» неплохо, даже хорошо. Это были в основном постперестроечные богатеи, которые в свое время немало разжились на дружбе с бывшим губернатором Чужаниным, получив за бесценок, а то и бесплатно и дома, и земельные участки в центре города, а теперь со страшной силой поддерживали «Верную силу», среди лидеров которой значились и Чужанин, и Чупа-чупс, и еще пара-тройка киборгов. Знала Алена и бойких ребятков, которые в роковом августе заранее были предупреждены Чужаниным и Чупа-чупсом о грядущем дефолте, а потому сделали на нем поистине фантастические состояния. Именно они мечтали о выборах 2008-го, а то и 2004 года, на которых Чупа-чупс будет непременно баллотироваться в президенты.

И вот тут-то и придет нам всем полный песец...

– Костя, пересядь-ка на мое место, – вдруг сказала Света, распахивая переднюю дверцу и выскакивая из кабины.

Фельдшер, уютненько прикорнувший на пустых носилках, выполз с таким недовольным видом, словно он был улиткой, которую враждебные обстоятельства вынудили навеки покинуть обжитую скорлупу. Света как раз успела запрыгнуть в салон, когда мимо пролетела последняя машина ГАИ и проспект открылся для движения.

– Поехали! Поехали! – велела Света и повернулась к Алене: – Помнишь, мы говорили о периодизации истории с точки зрения врача «Скорой помощи»?

– Еще бы, – кивнула Алена. – Я как раз хотела попросить тебя рассказать, какой период был следующий за пьющими дамами.

– Да очень простой. Умиряли пенсионеры. Особенно зимами. Замерзали в голодных обмороках. Знаешь, сколько было случаев: идет какой-нибудь дедок, ветеран, к внуку – в авоське два яблока, детская игрушка или детская книжка: не может прийти с пустыми руками, сам не поест, а ребенку принесет. По пути падает без сознания от слабости и замерзает. А почему голодный обморок? Потому что деньги задерживали. Пенсии не давали вовремя. Чупа-чупс их прокручивал через свой банк «Гарантия ваших прав». Это было еще до дефолта... до того проклятого дефолта!

– Что, по тебе он тоже щелкнул? – усмехнулась Алена, почуяв подругу по несчастью. А вообще забавно: такое ощущение, что в стране нет человека, у которого не болели бы сии воспоминания! Это накрепко подорвало в нас веру в то, что государство заботится о своих согражданах. Мы теперь постоянно ждем от него *секир башка*.

У Светы сделалось странное лицо:

– Щелкнул? Ну, можно и так сказать. У меня муж погиб.

– Как?! О господи... Почему?!

– Разбился на машине. Понимаешь, мы в июле 1998-го взяли деньги в долг – квартиру покупали. У мужа был бизнес небольшой, книготорговая фирма. Не бог весть что, но жили мы нормально, хоть врачам зарплаты практически не выдавали в то время. Я думала: как вообще живут те, у кого мужа не зарабатывают? На «Скорой» же не работа, а хобби мазохистов! Ну, короче, муж не сомневался, что расплатится спокойно. А тут доллар как полез вверх, рубль рухнул. И буквально через месяц стало ясно, что долг отдать мы не сможем: доллары продавали по шесть рублей, а покупать, чтобы отдавать, уже по двадцать четыре придется. Мы никак поверить не могли, что нас так кинуло наше якобы демократическое государство. Что характерно, мой муж с этой сукой Чупа-чупсом в одной школе учился... Почему-то его больше всего убивало, что именно его однокашник, вроде товарищ, такой сволочью оказался. И он вообще чуть не умер от ярости, когда Чупс спокойно ушел в отставку, безнаказанно, да еще сказал: «Ну, я рад, что ухожу, теперь съезжу с семьей отдохну, с аквалангом поплаваю!»

– Безнаказанно! – хмыкнула Алена. – А кто б его наказал, интересно? Вся эта история с дефолтом была подстроена, ты что, не понимаешь? Нарочно прежнего премьера вывели из-под огня, этого посадили – мальчика для битья, – он свою роль сыграл, потом вылез в лидеры «Верной силы», затем получил в награду нынешний пост... Ему явно пообещали, что, если сделает эту подлянку людям, если даст свое имя дерьмом замазать, будет за это вознагражден. Ну и вознаградили: вон, Чупс даже во всеуслышание заявляет, будто президент ему обязан своим прежним назначением в ФСБ, будто он получил от Чупса путевку в большую политику...

– Да я это все понимаю теперь, – вяло кивнула Света. – А мой муж тогда не понимал. От квартиры нам пришлось отказаться, долг вернули из последних сил. Фирма мужа прогорела: ни у кого денег не было, людям тогда не до книжек стало. Он так переживал, ты не представляешь, у него сердце все время прихватывало. Ну и один раз вот так прихватило, когда он на работу ехал. Ему стало плохо, потерял сознание за рулем... и врезался в «КамАЗ». Умер через сутки в больнице. Я... я тогда тоже чуть не умерла. О Ваське надо было заботиться, это сына моего так зовут, – пришлось выжить. Но обо мне никто не позаботился, и я знаешь чем спаслась? Все время ела что-то сладкое. Ваське покупала более или менее нормальную еду, а сама беспрестанно ела варенье с хлебом. У нас много варенья в тот год наварено было, яблочного, смородинового, вишневого. Я ела, ела, ела... Стала как бочка. Я себя как бы в такой жировой кокон завернула, понимаешь?

Алена кивнула. Два года назад, когда ее бросил Михаил, она ужасно боялась, что тоже начнет спасаться самым сильным транквилизатором – сладким. И хотя мужу страшно не нравилась, хотя его жутко раздражало ее похудение, она держалась именно за спорт, за шейпинг, за свою с таким трудом обретенную стройность, как за последнее средство спасения от тьмы, горя, неверия в себя.

Наверное, это суета сует и всяческая суета... Женщина, которая всегда была худой, а тем паче – мужчина этого не поймут *никогда*. По принципу, сытый голодного не разумеет. Но порою флаг и в самом деле приходится прибивать гвоздями к мачте!

– Света, извини, я не знала... ну, насчет твоего мужа! – покаянно проговорила Алена. – И я тебя вечно этим похудением донимаю.

– За что ж извиняться? – бледно усмехнулась Света. – И правильно делаешь, что донимаешь. Я согласна, что выгляжу кошмарно. И решила: все, берусь за себя. Сюда приезжает какой-то чудо-доктор, который не просто кодирует от алкоголизма, курения, ожирения, но еще и закрепляет все это надолго, то есть эффект реальный. У него еще и гипноз используется. Какая-то старинная, говорят, методика, очень действенная, результат быстрый... ну, короче, не знаю. Я сегодня вечером к нему иду, нарочно с Катей Федоровской договорилась, она меня в шесть сменит. И – прямиком худеть!

– Ой, ты знаешь, это такая фигня, по-моему! – всплеснула руками Алена. – Я верю только в шейпинг и в режим питания.

– Ну, это не для меня, – энергично сказала Света, и Алена порадовалась, увидев, что из глаз ее подруги исчезло потерянное выражение. Сейчас перед ней снова была прежняя, румяная, яркоглазая Света. – Мне надо, чтобы сразу, а этот кодировщик, говорят, просто волшебник. Он из Питера примерно раз в два месяца приезжает всего на несколько дней, люди к нему ломятся, записываются бог знает за сколько времени, потому что известны случаи очень сильного похудения, и это не какие-то подставные лица, нанятые для рекламы, а совершенно реальные. Мне про него наш Денисов рассказывал, он с этим мужиком хорошо знаком, они вроде бы родня по денисовской жене. Кстати, насчет похудения, у этого доктора Богачева, говорят, тот же Чупа-чупс кодировался. Помнишь, он был такой толстый-претолстый, прямо комок жиру, а потом стал...

– Как кость обглоданная, – брезгливо подсказала Алена. – Не противно тебе идти туда, где побывал столь любимый тобой Чупа-чупс?

– Да провались он пропадом, чтоб он сдох! – отмахнулась Света. – Но там же и нормальные люди кодировались, у того врача. Я одну женщину знаю, которая раньше была бомба, а стала ну просто... не сказать Твигги⁷, но нормальная вполне!

– Наверняка твоя знакомая еще и спортом занимается, – со скептическим выражением лица сказала Алена.

– Ты что, ей совершенно некогда! – отмахнулась Света. – Она работает агентом в риелторской конторе, продает мою квартиру.

– Ты квартиру продаешь?!

– Ну да. Не могу больше с хлеба на квас перебиваться, не могу. У нас нормальная квартира, «сталинка», за нее довольно много можно получить. А купим попроще, подешевле, чтобы какие-то реальные деньги остались, тысяч десять долларов как минимум. Хоть дух с Васькой немного переведем.

Алена задумчиво кивнула. Честно говоря, в тяжелые минуты жизни ей самой приходила в голову мысль поправить дела таким простым и действенным способом, тем паче что у нее тоже была хорошая квартира, тоже «сталинка», трехкомнатная, ей одной совершенно ненужная, –

---

⁷ Знаменитая манекенщица 60-х годов двадцатого века.

но пока не решалась. В основном из-за безумного количества книг, которые просто нереально было бы втиснуть в меньшую жилплощадь. А Света... ишь ты, молодец какая!

– Ну и как успехи? Покупатели есть?

– Да что сказать, – Света неопределенно пожала плечами. – Боюсь сглазить. Столько народу приходило, смотрело, цену сбивало, а тут вроде появилась пара с реальными деньгами... И я как раз на днях присмотрела квартирешку для нас с Васькой – ничего, понравилась. Моя агентша будет мне сегодня вечером звонить, договоримся, когда встретимся все вместе, заключим предварительный договор, мои покупатели должны аванс внести... В общем, вроде бы лед тронулся!

Она умолкла, потому что «Скорая» свернула во двор красной кирпичной многоэтажки и остановилась около кучки людей, столпившихся вокруг чего-то, лежащего на земле и накрытого белой простыней. Рядом в странной, согнутой позе – уткнувшись лбом в землю, – стояла на коленях женщина в стареньком байковом халате.

Пак еще не успел заглушить мотор, как во двор с противоположной стороны въехала еще одна «Скорая».

– Встреча на Эльбе, – сказала Света. – А вот и реаниматоры поспели.

– Да вряд ли ему уже реаниматоры помогут, – подал голос Костя, повернувшись из кабины. – Простыней вон накрыли...

– Да уж. Ну посмотреть все равно посмотрим.

Выбрались из машины. От второй «Скорой» уже шел доктор Денисов в сопровождении двух своих фельдшеров. Помахал рукой:

– Привет, барышни. Давно не виделись.

У Алены, как всегда, при взгляде на его тонкое, породистое лицо стало легче на душе. В этом парне, несмотря на его внешность героя-любownika, было что-то надежное, основательное, внушающее спокойствие и уверенность: так и казалось, что все беды рассеются, когда красивый доктор своими длинными пальцами охватит ваше запястье, сосредоточенно прищурится, считая пульс, а потом скажет с чуточку насмешливым выражением:

– На самом деле не так уж и больно, верно?

Да, способность успокоить – великое дело для врача! Сейчас таланты доктора Денисова пришлось бы особенно кстати, если бы врачи не опоздали. Такая трагедия, надо же!

Впрочем, народ вокруг тела стоял тихо, никто не кричал, не бился в истерике.

– Пропустите, я врач, – сказал Денисов.

Света молча шла позади, признавая главенство реаниматоров, хотя линейная машина и приехала чуть раньше.

– Да ему теперь уже врач не нужен, – сказал кряжистый, крепкий старик, очень похожий по типу на деревенского кулака, какими их показывали в фильме «Тени исчезают в полдень». Даже борода у него была крестьянская, окладистая, не больно-то вязавшаяся с потертой кожаной курткой («Наверняка сын отдал свою старую!») – подумала писательница детективов) и придававшая деду несколько разбойничий вид.

Вообще вокруг тела толпились в основном старики: разгар дня, остальные на работе.

Денисов откинул простыню. Алена заранее собралась с силами: все-таки человек бросился с балкона, даже странно, что на простыне не видно кровавых пятен, – однако ни на лице, ни на теле самоубийцы не было ни капли крови, как если бы удар о землю не оставил никакого следа. Может быть, он затылком ударился? Нет, Денисов голову посмотрел – ничего...

– С какого этажа он упал? – спросил доктор, поворачиваясь к группе соседей. Света тем временем подошла к женщине, стоящей на коленях, попыталась приподнять ее, но та не давалась, бессильно никла, тихо, безнадежно стелая. Света махнула Косте – тот открыл чемоданчик, достал шприц, ампулу.

Соседи почему-то молчали, не спешили ответить на вопрос Денисова.

«Понятно, – подумала Алена. – Наверное, ниоткуда он не падал. Или кто-то ошибся, когда вызывал «Скорую», или нарочно приврал, чтобы машину поскорей прислали».

– Так с какого этажа?.. – повторил Денисов, но его перебил бородатый дед

– С первого, – проговорил он с видимой неохотой.

– С какого?!

– С первого.

– Бросился с первого этажа и убился насмерть? Вы что мне сказки рассказываете, господа? – фыркнул Денисов.

– Какие мы тебе господа?! – с возмущением уставился на него дед. – Вот моду взяли! Ты сам на себя посмотри, тоже господин нашелся. Штаны вон все обтерханные, скоро до дыр протрутся.

Денисов сначала посмотрел на свои длинные ноги, потом оглянулся с беспомощным выражением. Его брюки и в самом деле имели вид заношенный до неприличия, однако обольщаться на сей счет мог только человек, не имеющий представления о таком словосочетании, как «тертые джинсы».

Алена поймала его взгляд и улыбнулась с самым легким намеком на игривость. Денисов, как всегда, сделал вид, будто ничего не замечает и не понимает.

– Кто-нибудь видел, что произошло? – Света взяла инициативу в свои руки. – Костя, помоги женщине встать.

Фельдшер поставил чемоданчик и попытался приподнять женщину, которая все так же стояла на коленях, но она с силой вырвалась и легла. Просто легла плашмя на сырую землю.

– Ладно, подожди, – махнула фельдшеру Света. – Пусть полежит, немного в себя придет. Так кто видел?

– Я и видел, – с воинственным выражением ответил старик. – Я ж говорю, что он с первого этажа бросился. Вон оттуда. Вон его лоджия. – Он махнул рукой в сторону.

Все обернулись и внимательно посмотрели на самую обычную лоджию, забранную решеткой. Она поднималась над землей не более чем на полметра.

– И каким образом?.. – спросил Денисов очень осторожно.

– Я стоял вон там, – старик махнул на дверь подъезда, метрах в двух от лоджии. – Смотрю, идет Валька. – Он показал на тело, вновь прикрытое простыней. – Идет такой деловой, не шатается... Он ведь попивал, Валька-то. Попивал, да!..

– Да он уж месяца два не пил! – сердито перебила его маленькая, очень худенькая бабулька, похожая на внезапно и бесповоротно постаревшую Масыню. – Ты что, Савелий Спиридоныч! Он же заколдовался, то есть – закодировался!

«Савелий Спиридоныч! – чуть не взвизгнула от восторга Алена. – Неужели еще бывают такие имена?! Дас ист фантастиш! Точно – кулак!»

– Ну вот я и говорю, – снова насупился обидчивый «кулак». – Я же сказал, что шел и не шатался, по всему виду – трезвый.

«Эх, какая жалость! – огорчилась Алена. – По логике образа, он должен был сказать – *тверезый!*»

– Подошел к своей лоджии, посмотрел на нее, – продолжал «кулак», нарушивший логику образа. – Я подумал, он на Вальку глядит, она в окошке видна была, на кухне возилась.

«Валька – его жена, – поняла Алена. – И он, самоубийца, тоже Валька. Валентин и Валентина».

Была такая пьеса, очень даже недурная, душевная до беспредельности. Про великую любовь. Может быть, у этих двоих тоже была когда-то великая любовь?

Была да сплыла, как у нее, у Алены. Ибо все проходит...

А может быть, не все? Алена исподлобья посмотрела на женщину, которая лежала около трупа неподвижно, будто и сама умерла.

Интересно, как повел бы себя Михаил, если бы у Алены тогда хватило решимости сделать то, что она собиралась сделать? Если бы привела в действие один из тех пяти способов самоубийства, которые придумала, больше всего стараясь устроить все так, чтобы это было максимально похоже на естественную смерть?.. Придумано было нехило, это факт, однако Алене помешала безумная, шалая, бьющая ключом жизнь, в которой не было места смерти, тем паче – смерти самовольной. Да, так как отреагировал бы Михаил? Лежал бы вот так, обезумев от отчаяния и раскаяния?

Ждите ответа, ждите ответа... Что он Гекубе, что ему Гекуба?

– Он постоял-постоял, потом руки поднял – вот так, будто сдается, – продолжал между тем рассказывать Савелий Спиридоныч, показывая, как все было, – а потом схватился за решетку и залез на нее. Повисел минуточку, а я на него смотрел. Подумал тогда: «Видать, я ошибся: Валька-то подпитый!» Он в это время повернулся так неловко, руки вывернув, спиной к решетке, повисел, а сам все по сторонам озирался, озирался... И вдруг как закричит: «Остановились! Остановились!» И вперед рванулся, руки отпустил! И упал!

Женщина, доселе лежавшая недвижимо, содрогнулась так, словно сквозь ее тело пропустили электрический ток, что-то хрипло выкрикнула и снова затихла.

– Что остановилось-то? – непонимающе сдвинул брови Денисов.

– Спросил, умный какой! – буркнул «кулак», которого обаяние «господина доктора» явно не трогало, а скорее раздражало. – Кабы кто знал! Не сказал Валька! Бросился с лоджии – и умер.

– Бросился! – всплеснула руками старая Масыня. – Откуда тут бросаться?!

– А я говорю, что бросился! – сердито топнул «кулак» Савелий. – Так бросаются, когда убиться хотят!

– Откуда тебе знать? – задиралась Масыня.

– Оттуда! – огрызнулся Савелий. – Знаю, коли говорю. К примеру сказать, в 51-м дело было. Пришли брать одного – по делу о вредительстве на «ГАЗе». Он с балкона и сиганул! Я как раз внизу стоял, у машины, он мне под ноги и *бросился*. Вот я и видел, какие лица у людей бывают, когда они *бросаются*!

– А что ж ты делал в 51-м году, а? Вроде ж ты говорил, что шофером в военном госпитале работал?! – потрясенно пробормотала Масыня. – Это значит, пока мы... без права переписки... лишение в правах... – Она начала заикаться. – Ты, значит, из НКВД?!

– О господи, нам еще только группы «Мемориал» тут не хватало! – в сердцах воскликнула Света. – Да где милиция-то, почему не едет?

Милиция и впрямь задерживалась. Свидетели вот-вот могли разойтись. И Алена подумала, что все-таки ноблесс оближ⁸. Она детективщица или кто?

– Может, вы в сторонку отойдете и потихоньку между собой выясните, кто плохой, а кто хороший? – со всей возможной вежливостью попросила она престарелых антагонистов, а потом обернулась к остальным собравшимся: – Кто-нибудь еще видел, что произошло?

– Я видел, – после некоторого молчания с явной неохотой пробормотал невысокий, очень широкоплечий парень с классическим лицом боксера: перебитый нос и перечеркнутая шрамом бровь. – Все правильно, все как дед сказал. Я на балконе курил, вон, наша лоджия соседняя, тоже первый этаж, только у нас не решетка, а стекло, – показал он куда-то в сторону. – Ну, курю, вдруг вижу – во двор входит Валька. Идет прямо по лужам, но не шатается, а весь сосредоточенный, ничего вокруг не видит, потому что смотрит на часы. Рукав куртки отвернул и прямо впился глазами в свое запястье! Потом остановился, вот так пошатнулся, глаза закрыл – и как побежит к своему балкону! На решетку запрыгнул, повернулся, огляделся, закричал: «Остановились! Остановились!» Ну и... – Он резко мотнул головой: – Правильно дедок сказал:

⁸ Положение обязывает – искаж. французский.

Валька *бросился!* Такое ощущение, что он прыгнул этажа так с пятого. Мне вообще показалось, что он падал медленно-медленно... у меня аж сердце замерло. Я, конечно, сразу выскочил, первый к нему подбежал, но...

– Что остановилось-то? – удивленно спросила Света.

– Часы, наверное, он же на часы смотрел, – пожал плечами Алена. – Но при чем тут они? Не мог же он покончить собой из-за того, что часы остановились?!

– Часы идут. Я же попыталась пульс посчитать – стрелки двигаются, – сообщила Света. – Непонятно как-то...

– Да чего непонятного, – пробурчал Костя, – сдвинулся на почве общего алкоголизма. Мало что с виду трезвым казался – они знаете как умеют, алики, комар носа не подточит, хоть по канату пройдут, а сами вусмерть!

Женщина, лежавшая на земле, вскочила, словно ее с силой подбросило вверх, с пугающей внезапностью.

– Что ты знаешь про моего мужа! – закричала она, некрасиво кривя испачканное грязью лицо, и тут же начала падать, запрокидываясь назад.

Костя и «боксер» едва успели подхватить ее. В толпе соседей завздохали, кто-то начал всхлипывать. Только Масыня и «кулак» беспрестанно насакивали друг на друга, сводя какие-то счеты, которые на самом деле давным-давно ни для кого из них не имели значения.

В машине реанимации затрезвонил вызов.

Виктор Михайлович высунулся из кабины, хмуро поглядел на Алену и по инерции так же неприветливо позвал:

– Денисов! Спрашивают, мы можем на вызов ехать? Попытка суицида!

Доктор Денисов, которого все называли просто по фамилии (наверное, потому, что тяжеловесное, могучее имя Илья и столь же основательное отчество Иванович казались странными в сочетании с его тонким, быстроглазым лицом и сухощавой, стремительной фигурой), отмахнулся:

– Они что, только проснулись? Мы здесь уже минут пятнадцать, скажи им.

– Да нет, – отозвался Суриков. – Другой адрес, на Капитальной, отсюда еще пилить дай боже.

– Это что-то! – пробормотал Денисов, оглядываясь не без растерянности. – Что происходит, а? Главное дело, прошлый вызов у нас тоже был – попытка суицида! И тоже – успешная. По рассказам очевидцев, мужик – вполне нормальный, с виду работяга – спокойно стоял на трамвайной остановке, дождался, пока вагон приблизился, помахал водителю рукой, крикнул что-то – и свалился на рельсы. Мы приехали, он еще не умер, не стонал, ничего. Довезли живого, он даже адрес смог назвать, куда жене позвонить, просил ей часы свои отдать, но представился, как только мы через порог больницы его перенесли.

– Часы? – рассеянно спросила Алена.

– Ну да, у него часы были страшно дорогие, «Консул». Как-то вроде такому типу не по карману.

– Украл небось, – с доброй улыбкой предположил Костя.

– Ага, ты, как всегда, прав, – зыркнул на него Денисов. – Света, может, ты тут побудешь с этой женщиной, женой... подождешь, пока милиция приедет? Видишь, вызов какой? Надо бы поскорей...

– Неужели не побуду? Только ты, Денисов, возьми барышню с собой, ладно? – Света исподтишка подмигнула Алене: – Для нее это такая экзотика, суицид, она про тебя потом в романчике напишет. Возьмешь?

Денисов насмешливо поглядел на Алену. Отчего-то он всегда, с самой первой встречи, смотрел на нее или безразлично, или насмешливо и все, что бы она ни сказала, воспринимал исключительно с надменным приподниманием бровей. У Алены было такое ощущение, будто

он с великим трудом удерживается, чтобы не брякнуть что-то вроде: «Детективщица из Нижнего Новгорода – это такой же нонсенс, как сергач⁹ из Парижа!» Но ей-то Денисов нравился, поэтому она благоразумно делала вид, будто ничего не замечает. И была от души счастлива, когда он великодушно кивнул:

– Поехали, так и быть. Всю жизнь мечтал быть изображенным в дамском детективе! Только заодно уж и Михалыча изобразить придется, договорились?

Чудилось, водитель с великим трудом подавил желание перекреститься: свят, свят, свят, чур меня, чур!

Денисов хохотнул было, потом огляделся, спохватился, сел в кабину. Алена забралась в салон, помахав на прощанье Свете.

– Созвонимся! – крикнула та, ответно махнув, и «Фольксваген» тронулся с места.

---

⁹ Старинное ремесло жителей г. Сергач Нижегородской губернии – дрессировка медведей и показ их на ярмарках.

Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, 1904 год, август

Проснулась ни свет ни заря после кровавых кошмаров и силой затащила себя за дневник. Обойдусь сегодня без предисловий, чтобы не отвлекаться. Итак – «Дело пятого вагона».

В ночь на 22 августа на станции Растяпино, что близ Подвязья, в товарно-пассажирском поезде, в пятом вагоне третьего класса, проводник обнаружил два рогожных куля с частями тела неизвестного мужчины. В одном куле находилось туловище без головы, в другом – ноги и руки. Части трупа были завернуты в оберточную бумагу и газеты – номера «Нижегородского листка» двухгодичной давности. Туловище было завернуто в грубую льняную простыню с красными каемками. В том же куле нашлись черные штаны и старая желтая клеенка с круглыми оттисками, образовавшимися от некогда стоявшей на ней посуды. Все, конечно, залито кровью.

Наши врачи, осмотрев останки, пришли к следующему заключению: роста неизвестный был невысокого, возраст имел от двадцати до тридцати лет, голова и конечности отделены от тела острым режущим предметом, умелой и сильной рукой.

Однако в том же заключении не было сказано ни единого слова о возможной причине смерти. Нет следов насильственного или нечаянного отравления; судя по состоянию легких, асфиксия здесь тоже ни при чем. Он был трезв, то есть алкогольное отравление не имело места. Конечно, возможно, отыскав голову трупа, мы обнаружим в ней пулевое ранение, однако сейчас причина смерти остается столь же загадочной, как у Натальи Самойловой.

Конечно, я слишком рано делаю выводы, но отчего-то мне кажется, что между этими двумя странными, загадочными, зловещими случаями есть нечто общее. Два человека умирают от непонятных причин вне дома. Однако они находятся в это время в таком месте, у таких людей, которые будут жестоко скомпрометированы их смертью. Люди эти не могут позволить себе никакого скандала, ни малейшей огласки! Поэтому идут на все, дабы избавиться от тел.

Недурная завязка для новеллы в стиле пресловутого Конан Дойла! Куда там «Концу Чарльза Огастеса Милвертона»!..

А впрочем, не следует отвлекаться от реальности.

Конечно, от внезапно случившегося трупа избавиться нелегко. Но все же возможно. Ночи позднего августа безлунны и темны, в городе нашем много глухих закоулков, буйных зарослей, куда можно было вынести труп и оставить его, не тратя времени на переодевание в чужую рубаху или на вовсе жуткое расчленение. Зачем брать на себя лишние хлопоты?

Однако же это наводит на некоторые размышления. Предположим, хозяева квартир, в которых внезапно умерли эти двое, живут в оживленных, людных кварталах; предположим, привратники их домов весьма внимательны; допустим, что досужие соседи не сводят с них глаз ни днем, ни ночью. Во всяком случае, если из дому в разгар дня вынесут и погрузят на извозчика сундук или просто выйдет некто с двумя кулями на спине, это привлечет меньшее внимание, чем тайный вынос тела под покровом темноты...

Так. Что следует проверить? Послать сыскных агентов опросить извозчиков, не припомнит ли кто из них, что вез к берегу сундук или на станцию – рогожные кули. Быть может, извозчики, народ приметливый, запомнили и нанимателей?

Путь второй. «Нижегородский листок». Несколько выпусков его нашли в мешке с кровавыми останками. Видимо, положены они были, чтобы впитать кровь. Сколько мне известно, в розницу «Листок» начал продаваться всего лишь год назад, а до сего времени распространялся исключительно по подписке. В почтовой конторе следует выяснить список получателей этой газеты двухгодичной давности. Не исключено, впрочем, что с тех пор газета не раз переходила из рук в руки...

Но все же, как ни хлопотен сей путь, в этом направлении стоит предпринять шаги.

Путь третий откроется, конечно, если нам все же удастся установить личность человека, чей труп найден в поезде. Уже теперь полиция опрашивает и проверяет всех знакомых Натальи Самойловой. Точно так же, частым гребнем, будут прочесываться все знакомые этого неизвестного. Впрочем, вполне может статься, что он одинок, ведь до сих не поступило заявления о пропаже молодого мужчины, приметы которого хотя бы частично совпадали с приметами покойника из поезда.

С другой стороны, возможно, он прибыл в наш город из какого-то другого и просто еще не успел зарегистрироваться в полиции?

Судя по единственной детали его одежды – черным штанам довольно хорошей шерсти и пошива, – убитый не был стеснен в средствах. Правда, штаны изрядно поношены... Ежели следовать логике Хольмса, это свидетельствует, что убитый знал лучшие времена. Или просто был равнодушен к одежде? Во всяком случае, его руки подтверждают, что он не был знаком с тяжелым физическим трудом. Да и ступни, не изуродованные тяжелой, грубой, неудобной обувью, свидетельствуют, что ему не приходилось слишком много времени проводить на ногах. Итак, скорее всего, это был мужчина из приличного общества...

Однако вернусь к обстоятельствам, при которых был обнаружен его труп.

Ночной товарно-пассажирский поезд направлением на Казань принадлежит к числу самых дешевых. Билет в общем вагоне стоит меньше, чем даже на пароходе в третьем классе, а остановок поезд делает куда больше и чаще. Это привлекает людей, а потому все вагоны третьего класса были переполнены народом, как всегда бывает перед окончанием и закрытием Нижегородской ярмарки. Ее многочисленные посетители разъезжались по губернии. Некоторые везли с собой кое-какие покупки, и мужчина с двумя рогожными кулями не привлек к себе ничьего пристального внимания при посадке. В вагонах третьего класса было народу больше, чем сидячих мест, поэтому некоторые, особенно наглые, норовили пристроиться и в первом, и во втором классах, к неудовольствию «чистой публики». Кондукторы и проводники замучились гонять лишних пассажиров, охранять подступы к дорогим вагонам призваны были даже истопники, и вот тут-то один из них, по фамилии Олешкин, обратил внимание на какого-то высокого, худого, бедно одетого человека, возле которого на полу лежали два куля. Завидев его в тамбуре, Олешкин сначала ошетинился, однако пассажир не делал никаких попыток перейти в вагон второго класса: стоял да смотрел в темное стекло, словно бы с нетерпением ожидая приближения станции.

– В Растяпино едешь? – спросил Олешкин, который был весьма словоохотлив. – Уже вот-вот прибудем.

Человек кивнул. Тут Олешкин обратил внимание, что на нем шляпа с обвисшими полями, которая явно знавала лучшие времена, однако они миновали настолько давно, что о них вряд ли кто мог вспомнить. Теперь-то, по размышлении, можно предположить, что хозяин сих кулей нарочно надел такую бесформенную шляпу, чтобы скрыть лицо понадежней, однако Олешкину сие в голову не пришло.

Присмотревшись, он заметил, что кули явно запачканы кровью. Однако этот простодушный, а проще сказать – скудный умом человек ничего не заподозрил. Он сказал:

– Видать, у тебя жена родила, что так много крови!

На взгляд Олешкина, он изрек что-то до крайности смешное и остроумное. Дураков бог бережет – глупый истопник и не знал, сколь близко подошел к собственной смерти. Ведь, судя по всему, он имел дело с человеком рискованым и опасным...

Обладатель помятой шляпы зыркнул на него из-под нависших полей, а потом ответил:

– Да что ты, какая жена! Я бобылем живу. А что до кулей... На ярмарке рыбки да мяса прикупил. Вон кровушка и подтекла.

И снова Олешкину не почуялось, не увиделось ровно ничего несообразного в этом ответе. А между тем несообразность была налицо. Ехать из Нижнего в Подвязье, в село, стоящее на реке, и везти из города в деревню мясо да рыбу! Паче всего – рыбу!

Тут в тамбур повалил новый народ – станция приближалась. Истопник ушел, чтобы не мешать. А когда поезд тронулся, оказалось, что пассажир в мятой шляпе сойти-то сошел, да вот беда – «забыл» свои кули.

Можно только диву даваться человеческой глупости! Олешкин и теперь не почуял ничего странного и зловещего. Он взалкал чужих «рыбки да мяса» и захотел присвоить эти кули, но сначала все же решил полюбоваться на свою добычу. Поезд в это время тронулся, Растяпино осталось позади (право, я усматриваю особенный смысл в том, что все это происходило на станции с таким символическим названием). Тут появился проводник пятого вагона и застал Олешкина, что называется, на месте преступления. Проводник этот, по фамилии Саранцев, не возмутился поступком своего сотоварища, а потребовал своей доли. То есть страшное открытие они сделали вдвоем...

Но, даже развязав кули и увидев, что там лежит, никто из них не бросился к главному кондуктору или машинисту с требованием остановить поезд и воротиться на станцию, позвать смотрителя и полицейского, предпринять шаги к задержанию неизвестного в мятой шляпе: ведь он был в те минуты еще в Растяпино или поблизости от него! Нет, эти двое не нашли ничего лучше, как попытаться побыстрее избавиться от страшной находки. Некоторое время они спорили, что лучше: открыть дверь и выкинуть кули, а может быть, отнести их в вагон с углем, да там и зарыть. Однако до угольного вагона было далеко, надо идти чуть ли не через весь состав. Саранцев опасался, что кто-нибудь обратит на них внимание по пути. Поэтому решено было – выкинуть зловещий груз из поезда.

Видимо, «Дела пятого вагона» никогда не возникло бы, не окажись в эту минуту, что Саранцев забыл ключ от двери в своем служебном купе. Да, с персоналом на нашей железной дороге дела обстоят печальным образом! Младенцу известно, что проводник никогда не должен расставаться с мастер-ключом, который отпирает все помещения в вагоне!

Ну что ж, Саранцев сходил за ключом, принес его, приятели начали отворять дверь... и в это время вдруг появился главный кондуктор. Он, конечно, сразу обратил внимание и на вороватый вид истопника и проводника, и на окровавленные кули, которые, кстати сказать, уже перемазали кровью и стены, и пол в тамбуре.

И вслед за этим события наконец начали развиваться так, как следовало быть.

Возвратиться в Подвязье, конечно, поезд не мог, однако с пути даны были телеграммы куда следует. На промежуточной станции в вагон сел полицейский чин, который произвел осмотр места происшествия и снял показания со злополучного истопника Олешкина и его невольного сотоварища Саранцева. Затем полицейский воротился со страшным грузом в Нижний на рабочем паровозе, в компании тех же Олешкина и Саранцева, которых было решено немедленно доставить для допроса. Дали телеграмму и на станцию Растяпино, но время-то было ночное, и человека в мятой шляпе, разумеется, и след простыл. Он словно растворился в темноте... Конечно, были проверены все, кто жил в Подвязье. Посланы также запросы на пароходы «Алексей» и «Быстрый», той ночью делавшие остановку в Подвязье по пути в Нижний. Может статься, тот человек воротился в город водою. Однако никто на пароходах – ни кассиры, ни кондукторы, ни матросы – не упомянут, чтобы им попался на глаза такой вот – в мягкой шляпе. Других, более подробных, примет его, увы, Олешкин дать не смог. Только и сказал, совершенно обалдев от тех неприятностей, которые сам же навлек на себя своей глупостью и жадностью: он-де худошав и вообще – на сельского учителя похож. Нет, истопник выразился куда точнее: на сельского учителяшку. Видимо, перевозчик страшного груза (а может быть, и убийца) был внешне весьма неказист. Что не мешало ему обладать очень крепкими нервами и острым, проворным умом. Эксперт уверяет, что между смертью неизвестного и его расчленением прошло

не более двух часов. А со времени смерти до времени обнаружения трупа – не более суток. Что и говорить, этот человек не терял даром ни минуты! Он не потерял также присутствия духа, разговаривая с истопником, он не потерял самообладания, и исчезая из Подвязья...

А нам, тем, кому предстоит расследовать столь злодейское и загадочное преступление, можно пожелать одного: не терять надежды на то, что это удастся!

Нижний Новгород. Наши дни

Взял он саблю, взял он востру...
Ах, взял он саблю, взял он востру —
И зарезал сам себя.
Веселый разговор!

Алена в ужасе обернулась. Она сидела в кабине: доктор Денисов остался с пациентом в салоне. Там же был и фельдшер реанимации Шура Кожемякин. Неужели это он поет, развлекается?

Шура перехватил Аленин взгляд и, видимо, моментально понял его значение, потому что качнул головой. Алена перегнулась еще сильнее – и увидела, что губы человека, лежащего на носилках, шевелятся. Прислушалась – и сквозь шум мотора уловила скрипучее, мучительное:

Не поверил отец сыну,
Что на свете есть любовь.
Веселый разговор!
Взял сын саблю,
Взял он востру —
И зарезал сам себя.
Веселый разговор!

Это он поет! Большой, то есть раненый, то есть самоубийца! Поет, а Люба Измайлова, второй фельдшер реанимации, ставит ему капельницу.

– Сирену! – скомандовал доктор Денисов, и раздался раздирающий душу и уши вой.

Денисов поймал взгляд Алены, нахмурился и отвернулся к человеку на носилках. Сирена заглушила все звуки вокруг, но Алена видела, что губы этого самоубийцы все еще шевелятся. Неужели он снова пел?!

Да уж, веселый разговор! Потому что этот человек пел о себе.

Жуть, конечно. Доктора Денисова и фельдшера Шуру уже ничем, такое впечатление, не прошибешь, и если они будут реагировать на всякую ерунду, вроде попытки суицида, то и сами недолго проживут, – однако женщины – существа куда более чувствительные. Добродушное, толстошее Любино лицо напряжено так, что пухлые губы вытянулись в ниточку. Люба тоже навиделась в своей фельдшерской жизни всякого, но *такого* даже ей видеть еще не приходилось!

Хотя, в принципе, в первую минуту Алена даже не испугалась, а скорее удивилась. Что ожидает увидеть бригада «Скорой», которой дают вызов: «Попытка суицида»? Человека либо только что из петли вытащили, либо он лежит с перерезанными венами, либо таблеток наглотался, а то, господи помилуй, нахлебался уксусу и катается по полу, рыча звериным голосом от лютой боли в прожженном насквозь желудке... Однако застали они в той квартире на улице Капитальной картину вовсе неожиданную.

Лицо у молодой женщины, отворившей им, было цвета, какого человеческие лица в нормальном состоянии не бывают: зеленовато-синюшного, с набрякшими, красными веками. Она беспрестанно утирала то рот, то слезящиеся глаза, и Алена вдруг поняла, что перед ней не опойка какая-нибудь, как почудилось в первый момент, что эту женщину только что жестоко рвало, вот почему у нее такое лицо. И взгляд у нее блуждающий, и голос невнятный, а слова

так и разбегаются именно потому, что она никак не может овладеть собой, сосредоточиться – от невероятного потрясения.

Что оказалось? Сорок минут назад ее муж вернулся с работы мрачный, молчаливый, достал из внутреннего кармана пиджака бутылку водки «Кристалл», тут же, стакан за стаканом, влил ее в себя, – не слушая истерических криков жены и закусывая водку заветрившимися ломтиками сыра, которые лежали на тарелке, прикрытые салфеткой. Взял из ящика стола большой кухонный нож, задумчиво осмотрел его, потрогал лезвие, порезав при этом палец и досадливо сморщившись, – а потом, тяжело вздохнув и даже не оглянувшись на жену, с силой вонзил себе нож в солнечное сплетение.

Жена закричала так, что не слышала, издал ли хоть звук, хоть стон ее муж. У нее подкосились ноги – упала на колени, преодолевая беспомощность, увидела, словно сквозь пелену, как он стоит, согнувшись и покачиваясь. Потом сделал шаг, другой – и нетвердо двинулся к дивану, все так же согнувшись. Осторожно прилег – сначала на бок, потом повернулся на спину – со странным, каким-то съежившимся лицом. Между пальцами, вцепившимися в рукоятку ножа, извивались какие-то красные ниточки – она не могла понять, поверить, что это кровь ее мужа.

И тут же ее начало выворачивать, она едва успела добежать до унитаза. Потом ей стало чуть легче, муть сошла с глаз. Она подскочила к мужу и уставилась на него, все еще не веря глазам. Он лежал на диване с тем же скукоженным лицом, смотрел в потолок, дышал тяжело – но все-таки дышал и смотрел! Он был жив, он не убил себя, а только ранил! И она вспомнила наконец про «Скорую помощь»...

Когда доктор Денисов, Шура и спешно вызванный на подмогу Виктор Михайлович понесли раненого на носилках в машину, Люба быстро сделала хозяйке укол и принялась уговаривать ее лечь, а не ехать в больницу. Хозяйка, не слушая, кинулась в прихожую – одеваться.

– Что наделал, что он наделал?.. – бормотала женщина. – Почему ж он мне даже ничего не сказал?! Мы так хорошо жили! Пусть не так много денег было, как раньше, но все равно – хорошо! Он даже курить бросил, он закодировался от курения! А пить и не пил никогда, мы не ссорились, нам ссориться даже было не из-за чего!

Наконец-то слезы хлынули из ее глаз, и Алена совершенно точно знала, о чем она сейчас думает. Вспоминает самое лучшее, самое счастливое, что у них было, а еще мучительно спрашивает себя, не сама ли виновата в том, что муж решил покончить с собой, ничего, ничего не сказав при этом ей, жене, самому близкому человеку?.. А может быть, он внезапно сошел с ума, и никто не виноват в этом, кроме его собственной несчастливой судьбы?

Тут из школы вернулся сын самоубийцы, и хозяйка отчаянным усилием воли взяла себя в руки: предстояло рассказать двенадцатилетнему мальчишке страшную новость. Люба и Алена поспешно ушли: надо было как можно скорее вернуться в ждавшую их машину.

– Как думаете, он выживет? – спросила Алена, стремглав сбегающая вслед за Любой по ступенькам.

– Может быть, – неопределенно ответила та. – Вообще-то ранения в живот опасные, но всякие чудеса бывают. Главное, чтобы нож не потревожить.

– А как же его в больнице будут извлекать? – ужаснулась Алена.

– Нам бы его довести живым, а там хирурги знают, что делать, – буркнула Люба.

Алена побаивалась, что Петр Николаевич Поливанов (так звали этого несчастного самоубийцу) уже умер, не выдержав спуска по лестнице (лифта в хрущевке не оказалось), однако он был жив. Лежал в салоне на носилках, и Шура осторожно накрывал его двумя одеялами: от плеч и от ног, оставляя открытым живот с торчащим из него ножом.

Денисов махнул Алене, чтобы села впереди: понятно, доктор должен быть рядом с таким пациентом. У водителя Сурикова губы были точно так же вытянуты в напряженную нитку, как у Любы, он, похоже, и не заметил, что рядом сидит не любимая им писательница!

Алена тоже не обращала на него внимания: почти все время она сидела, глядя в салон, отворачиваясь только, когда к горлу подкатывала тошнота. Нет, дело было не в страшной ране, тем паче что из-за свернутых одеял виднелась только рукоять ножа: писательницу всегда укачивало в автотранспорте, а уж если приходилось сидеть задом наперед, то хоть святых выноси!

Пока мчались по проспекту, сирена завывала беспрестанно, и звук ее разметал машины в стороны, словно ветер – осенние листья, но вот свернули на тихую улицу, ведущую к дежурной больнице, и шофер выключил сирену. Алене сразу стало легче, словно бы даже тошнило меньше. Она снова повернулась в салон, и в это время Поливанов открыл глаза.

– Привет, – сказал доктор Денисов. – Сейчас будем в больнице.

– Сейчас? – пробормотал Поливанов. – А времени сколько?

Доктор Денисов небрежно тряхнул левой рукой, и часы на свободно застегнутом браслете сползли на запястье. Алена не раз видел этот его жест, и у нее, как всегда, дрогнуло сердце.

Смешно!

Доктор вскинул руку к глазам.

– Без минуты четыре, – сказал он, опуская руку, и, словно против воли, вдруг взглянул на Алену.

Сердце снова дрогнуло...

– А-ах! – громко сказал Поливанов, выпрастывая руку из-под одеял. – А-ах!

Вслед за этим он схватил нож и вырвал его из раны.

Алена видела, как фонтан крови брызнул вверх и ударил доктора Денисова в лицо. Она отвернулась и с силой толкнула дверцу. Свесилась из кабины – и ее начало рвать так, что она даже не заметила, что «Фольксваген» продолжает нестись полным ходом.

Потом, когда ее перестало выворачивать, Алена вяло удивилась, что свешивается с сиденья чуть ли не к самой подножке, почти не держится ослабевшими руками, но почему-то не вываливается под колеса. Тут что-то сильно потянуло ее назад, в кабину, она привалилась к спинке, задыхаясь от слабости, нашарила в кармане платок и отерла губы, – и только теперь сообразила, что все это время ее держал за ворот Виктор Михайлович Суриков.

Одной рукой вел машину, а другой спасал еле живую писательницу.

Спасибо ему большое. Дай бог здоровья!

Из дневника Елизаветы Ковалевской. Нижний Новгород, август 1904 года

Обыкновенно личность неизвестных трупов устанавливается довольно быстро. Пропал человек – у него остались близкие и друзья, которые заявляют о пропаже. Им предъявляют труп – вот личность и выяснена. Именно так происходило в случае с Натальей Самойловой. Однако «Дело пятого вагона» осложнялось тем, что отсутствовала голова трупа. Дни идут, а тело остается неопознанным. Пришлось его заморозить, сохраняя на леднике в морге, в надежде, что близкие рано или поздно объявятся.

Между тем мы опять поссорились со Смольниковым. В разговоре со старшим следователем Петровским, который ведает в нашем управлении всеми делами, связанными с появлением неопознанных трупов, я высказала свои размышления и изложила предположительный план дальнейших действий: навести справки в конторе «Нижегородского листка» о подписчиках, опросить извозчиков, а также проверить возможно большее количество организаций разного рода, как зарегистрированных, так и нелегальных. Впрочем, насчет пресловутой нелегальности – это все пустые слова, потому что каждому околоточному или квартальному отлично известно, кто и когда в их участке собирается скопом. Я рассуждала так: возможно, жертвы были членами каких-то полусекретных или вовсе тайных обществ, репутации или самому факту существования которых мог быть нанесен непоправимый урон, если бы к ним было привлечено неодобрительное внимание полиции. Думаю, какие-нибудь социал-демократы могли бы пойти на что угодно, только бы избавиться от мертвых тел. Ведь присутствие полиции на квартирах у неблагонадежных или поднадзорных означает обыски и дознание, а для публики такого рода это смерти подобно!

Господин Петровский слушал меня со вниманием, но повторяю: при сем находился товарищ прокурора Смольников!

– Наша Елизавета Васильевна изволит следовать велению времени и искать смутьянов? – пробормотал он скептически. – Хочет раскрыть страшный и ужасный заговор – против кого? Уж не против правительства ли? Бомбистов-террористов выследить надумали? А не обстоит ли дело гораздо проще? Может статься, Самойлова пребывала в гостях у нового любовника? Ведь жаловался же господин Красильщиков, что она давненько не достаивала его своим присутствием? И вот приключилась смерть в разгар страстных ласк и объятий... Предположим также, что новый любовник был человеком женатым или просто облеченным должностью. И огласка была бы для него мало сказать неприятна – погибельна! Вот он и решил избавиться от трупа чрезмерно страстной и чувствительной любовницы. Сия версия представляется мне куда более вероятной, чем всяческие... прочие измышления.

Смольников бросил взгляд на старшего следователя, который смотрел на него не без одобрения. О да, одобрения нашему Хольмсу явно недоставало! Его «доктор Уотсон» (письмоводитель Сергиенко) уже который день хворает, об чем уведомил запискою. И Смольникову, который уже привык постоянно купаться в лучах его восхищения, было явно не по себе. И вот его удостоил своего одобрения Петровский! Поэтому он разошелся вовсю:

– Проще, проще надо быть, сударыня, а то вы скоро и под своей кроватью бомбистов станете искать!

И хохотнул, бросив новый взгляд на Петровского, словно приглашая и его разделить сие веселье, понятное только им двоим – мужчинам...

Да, вот что было самым оскорбительным в словах Смольникова: не пренебрежение ко мне как к следователю, а неременное желание унижить меня как женщину. Больше всего на свете мне захотелось взвиться и возмущенно воскликнуть: «Не извольте забываться, сударь!»

Вы разговариваете с дамой!» Ладони чесались отвесить ему пощечину, но... но в том-то и дело, что на моем месте так поступила бы любая другая женщина. Любая из моих кузин, подруг, соседок, любая из тех барынек, которые, помирая со скуки, слоняются в разгар дня по Покровке, заглядываясь на витрины модных лавок да измышляя, как бы это с наименьшей пользой потратить мужнины или отцовы денежки. Но я, поборница женского равноправия, давно поняла: если требую к себе отношения как к существу, во всем равному мужчинам умом, сметливостью, духом, за это приходится расплачиваться. Мужчины будут требовать с меня самую высокую цену за необходимость допустить, что я – ничем не хуже их, а кое в чем даже и превосхожу. Я должна быть готова к унижениям и пренебрежению, грубости и сквернословии. И я ни в коем случае не могу позволить дать им понять, что меня задевают их цинизм и сальности. Конечно, я не должна опускаться до уровня сих недочеловеков и говорить на их языке. Мое оружие – невозмутимость. О, конечно, самым разящим и смертоносным орудием станут мои успехи в расследовании, и этих успехов я добьюсь!

Даже бровью не поведя в сторону Смольникова, я бесстрастно обернулась к Петровскому:

– Полагаю, господин старший следователь, что в этой непростой ситуации вполне имеют право на существование два направления поиска. Господин Смольников пойдет своим путем, а я – своим. Но, полагаю, рано или поздно мы сойдемся для достижения единой цели.

Петровский махнул рукой: делайте, мол, что хотите. Итак, разрешение на самостоятельную работу мною было получено, и я не замедлила к ней приступить.

Для начала я направилась в редакцию «Нижегородского листка» и попросила дать мне перечни всех подписчиков двухгодичной давности. И тут меня ожидал первый – и весьма серьезный – афронт. Оказывается, дом, который сия контора в ту пору снимала и где хранила свои архивные документы, сгорел год назад. Разумеется, вместе со всеми бумагами! Служащий в рассылочной конторе долго сокрушался над тем, что не может мне помочь, а потом посоветовал собрать и опросить всех рассылных. Может статься, они и вспомнят, кто и кому доставлял номера газеты два года назад. Беда только, что рассылные часто меняются, а списки тех, кто работал в нужное мне время, сгорели при том же пожаре...

В окошко начал стучаться дождь, и мое настроение, и без того испорченное, вовсе скисло, как позавчерашнее молоко. С утра, уповая на внезапное и очень яркое солнышко, я отправилась без зонтика. То-то негодует теперь Павла, которая перед моим уходом устроила из-за этого зонта целую бучу! То-то задаст она мне, когда я ворочусь!

«Вечно считаете себя умней всех иных-прочих, барышня? – так станет шипеть Павла. – А посмотрите-ка на себя в зеркало! Нет, вы носик-то не воротите, вы гляньте, гляньте! Разве это госпожа следователь? Никак нет! Это госпожа мокрая курица! И шляпку попортили, и юбку! А блузка на что похожа?! А чистить, мыть кому? Павле! Кому больше?!»

Да это бы еще полбеды. Павла помешана на моем здоровье, в малейшем неровном вздохе или, господи сохрани, кашле она видит признаки надвигающейся скоротечной чахотки. Той же, которая безвременно свела в могилу мою матушку... Поэтому, ежели я явлюсь нынче с промоченными ногами и в сыром платье, мне обеспечен самый омерзительный напиток в мире – горячее молоко с медом и салом, а потом еще глинтвейн из красного вина, после чего я утром встану с гудящей головой, запухшими глазами и в полном упадке сил.

При одной только мысли о том, что ждет меня дома, мне вообще расхотелось туда возвращаться. Однако, присмотревшись к тому, что творилось за окном, я несколько воспряла духом. Тот же резкий ветер, который нагнал нынче тучи, кажется, и разгонит их. Похоже, дождик закончится через полчаса, так что, может статься, у меня есть надежда вечером избежать Павлиной воркотни. А провести эти полчаса вынужденного ожидания я решила с пользой: попросила у служащего дать мне подшивку «Нижегородского листка» за последние два месяца и принялась просматривать раздел объявлений. Но, листая, я вновь и вновь наткнулась взглядом на первую и вторую страницы, где печатались сводки с театра военных действий:

«ВОЙНА.

Наши потери.

Особый отдел главного штаба по сбору сведений об убитых и раненных в войну с Японией объявляет дополнительный список потерь офицерами с 11 по 25 августа сего года.

17-го Восточно-Сибирского полка убиты: капитан Попов Николай Иванович, поручик Золотов Степан Серапионович; ранены штабс-капитан Цволовский Петр Владимирович, поручик Богулов Алексей Алферович; ранен и остался в строю подполковник Зобинин Дмитрий Афанасьевич...»

Список продолжался на полколонки уборым шрифтом. В каждом номере помещены списки, которые вызывают слезы на глазах. У меня в Маньчжурии нет никого – ни брата, ни другого близкого человека, однако, читая эти имена, я отчего-то размышляю: каковы они были, эти павшие в чужой земле капитан Попов или поручик Золотов, кто оплатит их кончину? Но уж, во всяком случае, товарищи отомстят за их смерть. На нас, следователей, работников суда и прокуратуры, по сути дела, возложена та же миссия, что и на солдат, которые мстят за гибель однополчанина. Мы воздаем преступнику за отнятую им чужую жизнь. Это называется – торжество правосудия, восстановление справедливости. Впрочем, тут есть одно «но». Не беда, если слепая пуля, пуля-дура, унесет жизнь вовсе не того врага, который стал непосредственной причиной смерти Золотова и Попова. Скорей всего, так оно и произойдет! Пуля вправе ошибиться. Но не вправе ошибиться мы, работники правосудия. А если бы я думала иначе, то, может статься, мне было бы лучше бросить свою работу и уйти куда-нибудь – хоть на медицинские курсы, которые открылись в Санкт-Петербурге и где готовят милосердных сестер для действующей армии... Да, нам надо семь раз отмерить – и только один раз отрезать, только раз нажать на курок, но сначала пристально всмотреться в каждую из мишеней.

Именно этот ряд мишеней я и пыталась для себя определить, устроившись за колченогим столиком, на шатком стуле, над грудой газет.

Честно говоря, я и сама не знала, что ищу. Нечто, за что можно было зацепиться мыслью... Нечто, что подтолкнуло бы мою задремавшую, отчаявшуюся сообразительность!

И первое же объявление навело меня на некоторые размышления. Оно гласило:

«Оспу прививает по приглашению на дом фельдшер реального училища Ф.А. Шитовых. Оспопрививатель пользуется только свежим дебритом (телячий соскоб), относительно прививаемости и доброкачественности которого получена полная уверенность. Петропавловский переулок, дом Саяновой, номер два. Телефон реального училища от трех до четырех дня».

Любопытная фраза насчет «полной уверенности», которая «получена»... Фельдшер-оспопрививатель пытается уверить, что в его работе не бывает ошибок. А ну как они все же случаются? Люди по-разному воспринимают вторжение в свой организм чужеродного вируса. Что, если Самойлова и неизвестный из пятого вагона оказались жертвами недобросовестного лекаря? Нет, это не обязательно мог быть фельдшер реального училища, однако надобно проверить всех частнопрактикующих медиков. Но сначала следует уточнить у наших экспертов, не находили ли они следов хоть какого-то врачебного вмешательства в тела Самойловой и неизвестного, следов того же оспопрививания... Они могли при осмотре принять сей след за случайную царапинку, однако может статься, что именно этот путь и приведет нас к разгадке...

Я достала из портфеля блокнот и записала: *«Можно ли обнаружить в мертвом теле по истечении времени следы дебрита (телячьего соскоба), или он разлагается в организме? Если оно так, то сколь скоро и точно ли без всякого остатка?»*

И вот еще какая догадка меня осенила. Самое невинное вещество может вызвать в человеческом организме непредсказуемую и погибельную реакцию. К примеру сказать, я однажды чуть не отдала богу душу из-за... отреза китайского шелка. Мы с Павлой зашли в мануфактур-

ные ряды Нижегородской ярмарки в поисках материи на мою новую блузку. Нам обеим приглянулся серенький шелк в меленькую белую и черную полосочку. Очень элегантный! В своем воображении мы уже скроили и даже пошили хорошенькую блузочку. Павла пощупала шелк и восхитилась его качеством. Я тоже коснулась его пальцами... и в то же мгновение у меня сделался сильнейший горловой спазм. Дыхание мое пресеклось, я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Несколько секунд я стояла, делая судорожные движения горлом, легкие готовы были лопнуть, и уже перед глазами моими начал меркнуть белый свет, когда на меня обратил внимание приказчик. Он ринулся ко мне, выхватил шелк из моих рук и буквально вытолкнул меня за дверь лавки на свежий воздух. И через показавшуюся вечностью долю секунды мне наконец-то стало легче! Я смогла перевести дыхание, спазм прошел, мрак перед глазами рассеялся. Я была почти в обмороке от пережитого потрясения – не лучше выглядела и Павла. Благословенный приказчик принес мне воды и объяснил, что его сестра так же странно переносит прикосновение к кошачьей шерсти. Даже одного присутствия кошки в комнате довольно, чтобы вызвать у нее приступ сильнейшего удушья! Но приказчик на опыте убедился, что довольно только удалить раздражающий объект, чтобы спазм прошел, однако, надо думать, если продолжать соприкосновение с ним, человеку и впрямь может прийти конец. Дай бог здоровья этому приказчику!

Если организм столь болезненно реагирует на кошачью шерсть или на прикосновение к скользкому китайскому шелку, то наверняка и некоторые медицинские сыворотки могут вызвать схожие ощущения. Например, тот же дебрит...

Предположим, я – практикующий фельдшер, который зарабатывает немалые деньги на оспопрививании. И вдруг пациентка (пациент) внезапно умирает в моем кабинете во время приема. Что и говорить, сие равнозначно моей собственной гибели. Кабинет можно закрывать, практику – продавать, ибо, хоть ты и не виновен, все равно навеки останешься заклеимен: ведь ты стал невольной причиной смерти человека! Так разве я не вылезу вон из кожи, чтобы замести следы этой внезапной трагедии?!

Я вновь вернулась к объявлениям, делая новые и новые заметки в своем блокноте: выписывала все попавшиеся мне адреса врачей – гинекологов (Полякевич И.К., Большая Покровская, дом Колчина, квартира тринадцать), дантистов (К.И. Геронимус, там же, квартира пять), офтальмологов (Пискун П.И., Малая Покровская улица, собственный дом)...

А что? Чем черт не шутит?! У врачей в кабинетах всякое может случиться.

Потом взгляд мой скользнул по новому объявлению:

«Обеды из трех блюд – десять рублей. Здесь же сдается комната. Варварка, дом шестнадцать Власовых (напротив церкви). Квартира В.Д. Медведевой».

Наверняка для этой В.Д. Медведевой смерть одного из столующихся у нее людей стала бы крахом всего ее предприятия! Она наверняка тоже попыталась бы избавиться от трупа, призвав на помощь все имеющиеся средства и силы!

Выписываю адрес Медведевой и еще трех особ, предлагающих дешевый стол.

Можно не сомневаться, что всеми силами оберегала бы свою репутацию и вот эта дама, давшая в «Нижегородский листок» объявление следующего содержания:

«Оперная артистка Е.А. Китаева-Каренина возобновила уроки пения (solo) и уроки выразительного чтения (декламация, мелодекламация). Постановка голоса. Прием для переговоров от пяти до семи вечера ежедневно. Мартыновская улица, дом восемь».

Вообразив себе оперную певицу Китаеву-Каренину в образе Лючии де Ламмермур (как-то видела открытку – литографию ее в костюме ламмермурской невесты), я покачала головой. Вот Наталья Самойлова приходит на урок мелодекламации к госпоже Китаевой, вот падает замертво от неизвестной причины, а тут в прихожей очень кстати случается сундук...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.